ISSN 0130-2671

КРОКОДИЛ

№ 13 МАЙ 1991

Ну, кто еще хочет со мной сыграть?..

Р. САМОЙЛОВ.



На прогулку с пистолетом?

Стр. 10.

КРОКОДИЛ

№ 13 (2707)
май 1991

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ (первый зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ (главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Технический редактор
Д. Н. МАЗУР.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

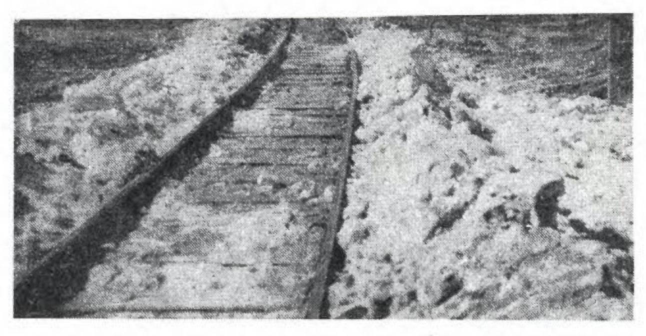
НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 29.03.91.
Подписано к печати 08.04.91.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 396 000 экз.
(1-й завод: 1—1 846 023).
Зак. № 371. Цена 75 коп.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий» г. Свердловск, просп. Ленина, 49
Тираж 2 765 000 экз.
(3 завод 2 415 001—2 765 000).
Зак. 1839

В ЧЕМ СОЛЬ?





Перед вами, дорогие читатели, два снимка, сделанные на одной и той же станции — Шубар-Кудук, что в Актюбинской области.

На первом снимке... Нет, это не снег, который падает с неба. Это соль, которую привезли когда-то в вагонах, но забыли вывезти. И хотя соль (которой, кстати, не хватает на полках магазинов) предназначена, по словам депутата Темирского райсовета М. Акбалиева, для Уильского района, лежит она на территории района Темирского довольно давно, это приносит местным жителям разные неудобства: соленая вода стекает в поселок Шубар-Кудук, просачивается сквозь землю, портит фундаменты домов, губит плодовые деревья, засаливает воду в колодцах и т. д.

На втором снимке — обыкновенные древесные отходы, предназначенные для сжигания в печке. Проще говоря, дрова. И эти дрова никто не забирает с желдорпутей, поскольку они являются общенародной собственностью, а стало быть, ничьей.

Вот в этом, собственно, вся соль, почему и соль, и дрова валяются на станции Шубар-Кудук.

Ах, если бы только на этой станции!..

Ю. Б.

НОВОСТИ ПЕДАГОГИКИ

Есть у нас в СССР Алтайский край, а в нем романтический населенный пункт Усть-Тальменка. И существуют в этом пункте два учреждения, функции коих совершенно различны: магазин «Детский мир» и баня. Но различие это — только на первый взгляд. Рядом с плюшевыми «мишками», «поросятами» и пионерскими горнами в «Детском мире» лежит куча сучьев: это уцененные веники. Валяются оные «веники» уже не первый год, а в бане за все те же годы ни разу и никому эти замечательные предметы физического воздействия не были выданы. И вот обитательница Усть-Тальменки В. Романова задалась воистину мировоззренческим вопросом: для чего остатки веников продают в «Детском мире»? Боже! Неужели?! На ум, естественно, сразу же приходит жестокий дед Каширин, который посекал розгами будущего классика... «Но,— как пишет В. Романова,— хорошо, если в Усть-Тальменке появится после этого хотя бы один А. М. Горький. Ну, пусть — два. Но не столько же, чтобы скупить все уцененные розги?» Есть, правда, и второе решение вопроса. Все мужское население Усть-Тальменки должно «сложиться» и артельно закупить реликтовый хворост. Чтобы в какой-нибудь светлый праздник устроить веселый костер, а вокруг него массовое гулянье.

Вл. МИТИН.



В. ЧАУСОВ, г. Ростов-на-Дону.

МИНИ-КОРОВНИК В КАБИНЕТЕ

Говорят, что в Воронежском обувном объединении, в самом центре города, начали сооружать животноводческие помещения, а на заводском дворе вот-вот появится пастбище.

В объединении немедленно побывал корреспондент и изучил ситуацию. Ни ферм, ни лугов не обнаружил, но кое-какие основания для вышеуказанной информации все-таки имеются.

Дело в том, что руководители Осташковского кожевенного завода, много лет отгружавшего воронежцам яловый хром, накануне 1991 года направили своим партнерам устрашающий «протокол о намерениях». Взамен своего ялового хрома осташковцы поставили условие: отгрузить им «сырье из шкур крупного рогатого скота» — да еще пожелали, чтобы заказчики направили в Осташков «обувь по спецификации» (то есть то, что они перечислят в своем «заказе».)

Оправившись от шока, воронежские обувщики разъяснили, что объединение не в состоянии организовать производство сырья и отправку, как говорится в ультиматуме, «присоленных кож». Кроме того, деликатно напомнили, что выпускают в год более трех миллионов пар различной обуви и не могут превратить свое предприятие в натуральное замкнутое хозяйство.

...Как выясняется, фантазии смежников становятся все более смелыми и непредсказуемыми, а многие проекты договоров начинают напоминать переписку сеньоров и вассалов.

А тем временем в Воронежском обувном объединении, где еще не подписаны сорок процентов договоров, с содроганием узнают о новых сюрпризах, приготовленных деловыми партнерами.

В. КОМОВ, г. Воронеж.

МЫ ТАК НЕ ДОГОВАРИВАЛИСЬ

В городе Тамбове (о чем сообщалось в № 35 за 1990 г.) любителей спиртного осчастливили: стали продавать водку по коммерческой цене — 15 руб. за бутылку.

— Продешевили! — воскликнули, узнав о такой коммерции, псковские потребкооператоры. И назначили так называемую договорную цену: 25 целковых. Продукт-то ведь не первой необходимости.

Правда, не совсем ясно, кто с кем по этому спиртоводочному вопросу договаривался: производители с продавцами или областной потребсоюз с районным потребобществом. Во всяком случае, как сообщает нам читатель А. Синеникольский из Псковской области, с покупателями не договаривался никто и никогда.

И жаждущим покупателям ничего не остается, как выкладывать четвертную за бутылку, которая по госцене стоит в два с половиной раза дешевле.

Ю. КРЫЛАТСКИЙ.

ВИЛЫ В БОК!

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА



Борис ПУГО

Шарж В. МОЧАЛОВА.

Сергей КАРАТОВ

КАК МОЖНО!

Не спорьте, вижу по глазам уж,
что вы давно хотите замуж,
но всё секреты,
всё неясности...
И это — в атмосфере гласности!



Николай КАРПОВ

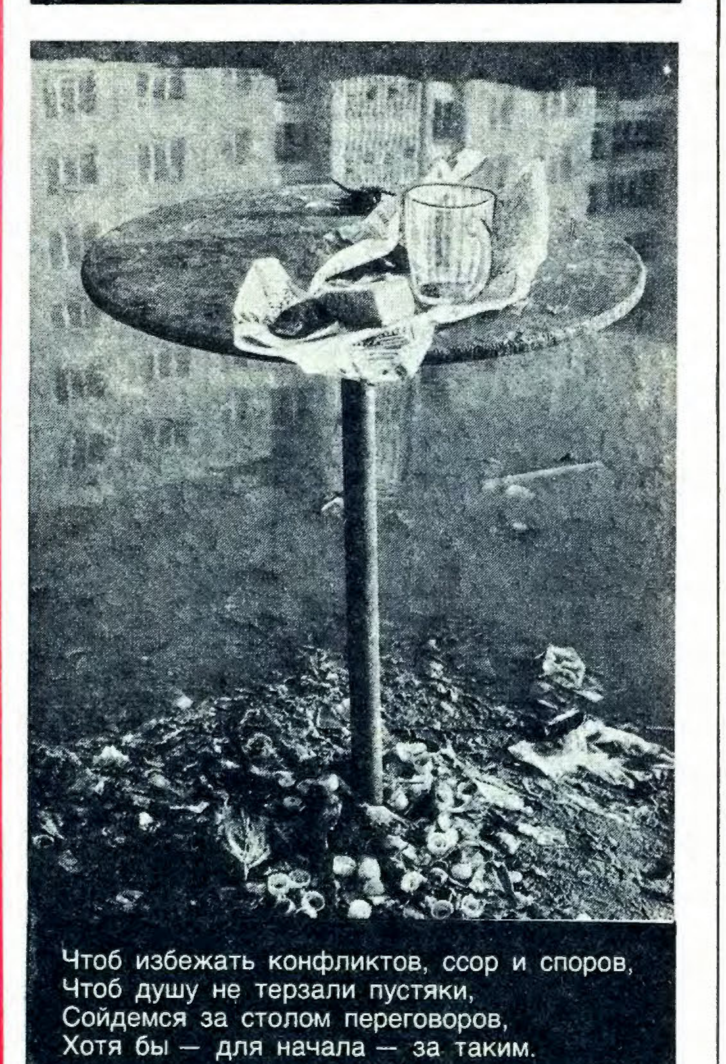
* * *

Наступило время тяжелое,
Вряд ли вскорости
жизнь изменится:
Вместо кофе хрустящие желуди
Я мелю на кофейной мельнице.

В предвкушении весь, в ударе,
Нахожу преимущества тут.
Знамо: желуди не «харари»,
Но зато под окном растут!



ФОТОПОЭМА



Чтоб избежать конфликтов, ссор и споров,
Чтоб душу не терзали пустяки,
Сойдемся за столом переговоров,
Хотя бы — для начала — за таким.

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Фото Ю. КОЛЕСНИКОВА, г. Тверь.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Выражался грубой нецензурной бранью, укусил лошадь».

(Из постановления о привлечении за мелкое хулиганство.)
Прислал Н. Павлов, Самарская область.

«Трудно складывалось у нее детство. До войны Анастасия Ивановна работала девочкой на колхозных полях».

(Из радиопередачи.)
Прислал Д. Плотников, г. Ленинград.

«Объявление

11 августа 1990 года в 17-00 часов на д/площадке поселка состоится собрание граждан.

Повестка дня:

«Газификация поселка и тех, кто мешает этому».

Прислала Е. Омышева, г. Очер.

«У меня и в мысли не было оскорбить гражданку Петрикину, просто я ее принял за свою жену».

(Из объяснительной).

«Мало того, что контролер Батурин С. В. назвал моего щенка вшивой псиной, так он еще набрался наглости и потребовал талон на проезд».

(Из жалобы).

«И еще она назвала меня пропойцем, хотя на самом деле я только алкоголик».

(Из жалобы).

Прислал В. Журавский, г. Жодино.

«Товарищи жильцы! Пищевые отходы выбрасывайте в предназначенные для этого емкости. Это дополнительные килограммы мяса к вашему столу!»

(Объявление).
Прислал П. Бурчак, г. Кривой Рог.

ФЕХТОВАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ЛЕГКАЯ РУКА



Сегодня нашего корреспондента с рапирой в руках встретил известный артист эстрады Ефим Шифрин.

— Вот и случай обменяться новостями. Тем более в такой форме мы с тобой еще не встречались,— сказал артист.

— Да фехтовал ли ты прежде? — поинтересовался корреспондент.

— А как же? В эстрадно-цирковом училище. Ужасно тупой рапирой даже умудрился проколоть своего однокашника.

— Надеюсь, он остался жить?

— Да, остался жить. В Канаде.

— У тебя легкая рука!.. А скажи, тебе не бывает страшно, когда со сцены ты произносишь что-нибудь особенно острое?

— Внутри страх сидит. Но он сидит и в зале. Учусь вместе со зрителями по капле выдавливать его из себя. Хотя иногда слушаю по телевизору некоторых ораторов и хохочу. Интересно, кто им пишет монологи?

— А тебе?

— Ты, Альбинин, уже ничего не предлагаешь, приходится в основном отдуваться Виктору Коклюшкину и Льву Новоженову.

— Самое яркое впечатление ушедшего года?

— Надо подумать...

— Я раньше всегда думал, что гуманитарная помощь — это когда книжку дают почитать, поговорят по душам, оркестр Спивакова пришлют...

— Виктор Коклюшкин сказал, что гуманитарная помощь происходит от слова ГУМ.

— Ты нынче стал «выездным» и несколько раз кряду проехался по заграницам. Как ты там себя чувствовал?

— Ты вроде бы уже спрашивал про самое яркое в ушедшем году?..

— В чем секрет смешного на эстраде?

— Нужно помолчать перед тем, как сказать смешно.

— С кем бы ты хотел дружить?

— Лет пять назад — с Искандером, Ахмадулиной, Аверинцевым. Сейчас — с мясником, продавцом промтоваров, таксистом, аптекарем...

— Раньше ты больше думал о душе.

— Теперь стал любить впечатления. Представляешь, захожу к знакомому мяснику, а он рубит, рубит...

— Твое отношение к водке?

— При возможности, я бы пил больше. Но торговля эту возможность предоставляет только избранным...

— Зато у тебя больше времени остается для секса...

— Михаил Жванецкий недавно объявил, что он уходит из большого секса. А я всегда был простым любителем.

— И на рекорды не замахивался?

— Как сказал другой мой автор — Лев Новоженов: чтобы заниматься сексом, нужно хорошо питаться. Скоро половая жизнь в стране замрет...

— Уже есть первые симптомы?

— Согласно показаниям табло, от съезда к съезду число воздержавшихся растет...

— Значит, лично у тебя с нравственностью порядок?

— Я ее регламентирую согласно распоряжению Президента. И детям своим накажу, если получится.

— Что получится?

— Дети. В соответствии с распоряжением.

— И, наконец, последний сексуальный вопрос: верно говорят, что ты изобрел новое средство против секса?

— Я только соучаствовал вместе с Пуговкиным, Моргуновым, Ярмольником, Садальским и Удовиченко. В Ялте режиссером М. Айзенбергом снят фильм с названием «Средство против секса».

— Видишь, слухов зряшных не бывает!

— Скажу больше — твой последний укол достиг цели. После него я завтра же уезжаю в Израиль. Только что мне передали билет.

— Вот видишь, и у меня рука легкая!

— Но не как моя. Я еду всего лишь на гастроли...

Фехтовал в форме Крокодила Владимир АЛЬБИНИН.

ФЕЛЬЕТОН ЧИТАТЕЛЯ

КУЛАЦКОЕ СЧАСТЬЕ МОЕ

Дорогой Крокодил! Ты моя последняя надежда и опора. Если не напечатаешь это письмо, то после этого хоть потоп, вернее — хоть топись. Хотя суицидная смертность у нас и так обогнала сумму авиа-, авто- и прочих катастроф. Если это случится, то сиротами останутся семеро моих детей. Прибавится ли в их глазах авторитета у Советской власти?

Дело заключается в правовой, вернее сказать, неправовой безнаказанности. Ввиду большого состава семьи я уже полтора десятка лет занимаюсь подсобным хозяйством. Все это время совершалось активное раскрестьянивание (т. е. сельский житель уезжал в город) и расскотинивание (т. е. люди избавлялись от скота, даже в сельской местности скот содержался лишь в 20—30 процентах хозяйств). Я же со своей семьей, наоборот, наращивал обороты. Пока дети были маленькие, держал по 5 бычков, 2 коровы, кур, овец. Дети подросли, и семья стала выходить на проектную мощность 100 голов свиней в год. Кроме того, с женой работаем на предприятии. Естественно, что основная нагрузка ложится на моих семерых детей от 4 до 16 лет, которые работают без выходных уже который год.

Жизнь шла бы прекрасно, даже несмотря на невзгоды перестройки. Но столько приходится выносить оскорблений по поводу «кулака», что если завести на каждого уголовное дело, то каждый пятый житель нашего городка оказался бы в тюрьме. Кто бы тогда работал на производстве? Очевидно, исходя из этих высоких государственных интересов, милиция редко реагировала на мои просьбы о помощи. Всегда советовала одно и то же: разберись сам, дай под задницу и т. д. Ладно, если я сильнее. А обычно ведь пьянь голубая ходит «шарагами», и эти благие советы могли бы дорого обойтись моей заднице. Я больной (врожденный порок сердца), поэтому не смогу драться с ними. А вооружаться, как это делается по всей стране, мне бы не хотелось, так как могу оставить семью без кормильца.

Руководствуясь принципом «и вечный бой, покой нам только снится» и учитывая, что мы принадлежим к той великой расе, которая за столетия выработала практически неисчерпаемый запас терпимости, моя семья с достоинством переносила прелести народной молвы. Язык без костей и синяков на теле не оставляет.

Но эта сказочная жизнь длилась только до 1989 года, каковой стал отправной точкой физического воздействия на мою семью. Сначала пьяный хулиган избил жену и детей. Недавно, в 1990 году, из моего дома украли половые доски. На следующую ночь мой старший (шестнадцатилетний) сын с тремя одноклассниками решили проследить, кто разбирает доски, и получили достойный отпор от воров. Одному из товарищей сына сломали нос, а самого сына Юрия били, а потом душили, подвесив за капюшон куртки.

Приехавшая в два часа ночи на место милиция, как в лучших итальянских боевиках про мафию, за ручку поздоровалась с ворами, а на наших ребят накинулась с дубинками и окриками: «Эй вы, козлы, разбегайтесь по одному!» Хотя эти «козлы» и так получили по рогам за охрану своего дома. Подойдя к парню с окровавленным лицом, «мент» (извините, иначе теперь называть их не могу) надменно сказал: «Ты упал и разбил нос». Не составив протокола, не разобравшись в происшедшем, «менты» бросили несовершеннолетних детей среди ночи на произвол судьбы и уехали, даже не оказав помощи пострадавшему.

Не буду описывать утомительный процесс следствия, который длился полгода. А вот суд, состоявшийся 21. 12. 90, был похож на хорошо поставленный комедийный спектакль. Режиссером-постановщиком была прокурор В. П. Романова (которая отказала в возбуждении уголовного дела против милиции, на которую я подал в суд). В общем, все встало с ног на голову. Оказывается, это наши ребята побили воров, а перелом носа — упал в темноте, в другой раз осторожнее будет. Из выступления адвоката выяснилось, что воры — ребята молодые, двое-три года после армии, им необходимо срочно обзаводиться хозяйством, поэтому доски были нужны им позарез (но почему именно мои? Или они решили под покровом ночи вступить со мной в негласную ассоциацию крестьянских хозяйств?), а потому вины их нет, а есть нужда, которую нужно удовлетворить, а так как купить они не сочли возможным, то и пришлось позаимствовать, благо все вокруг колхозное, все вокруг мое. Короче, «дело не стоит выеденного яйца» и «эти люди не представляют никакой опасности для общества».

Кстати, все повернули так, что мне даже не дали повестку в суд. Прокурор сказала, что я вообще никакого отношения к делу не имею, т. е. доски вроде бы воровали не мои, сына били не моего, товарищ сына пострадал не из-за меня.

Получается, что статьи Конституции о неприкосновенности личности и личной собственности писаны не для нашего региона. Будто наш район стал суверенным и живет по своим законам: «закон — тайга, медведь — хозяин». Боюсь, что не центральные органы власти, а именно этот «медведь» руководил, руководит и будет руководить нами.

Как, по-вашему, можно ли так дальше жить, чувствуя себя чужим? Ведь я не враг стране. Моя семья мяса производит столько, сколько ни одна семья в районе. Кроме мяса, сдаем излишки огурцов, клубники и зеленого лука (зимой). Своих четверых сыновей вот-вот начну провожать в армию охранять Родину-мать. С каким чувством они будут служить, если знают, что их родная мать постоянно находится в опасности из-за того, что много работает?

В детстве я учил, что моя милиция меня бережет. Разменяв пятый десяток, я на 180 градусов изменил отношение к милиции. Ведь милиция, подобно женщине, как себя поставит, так к ней и будут относиться. Сделав «козлами» детей, которые выращивают и сдают продукцию, немалые налоги с суммы которой идут и на откорм МВД, милиция (а это около 20 человек) упала в наших глазах до «ментов». Не козлы мы, а кормильцы. Почему же «медведь» не хочет этого понять?

И. ХИТРЫЙ,
г. Красновишерск Пермской области.

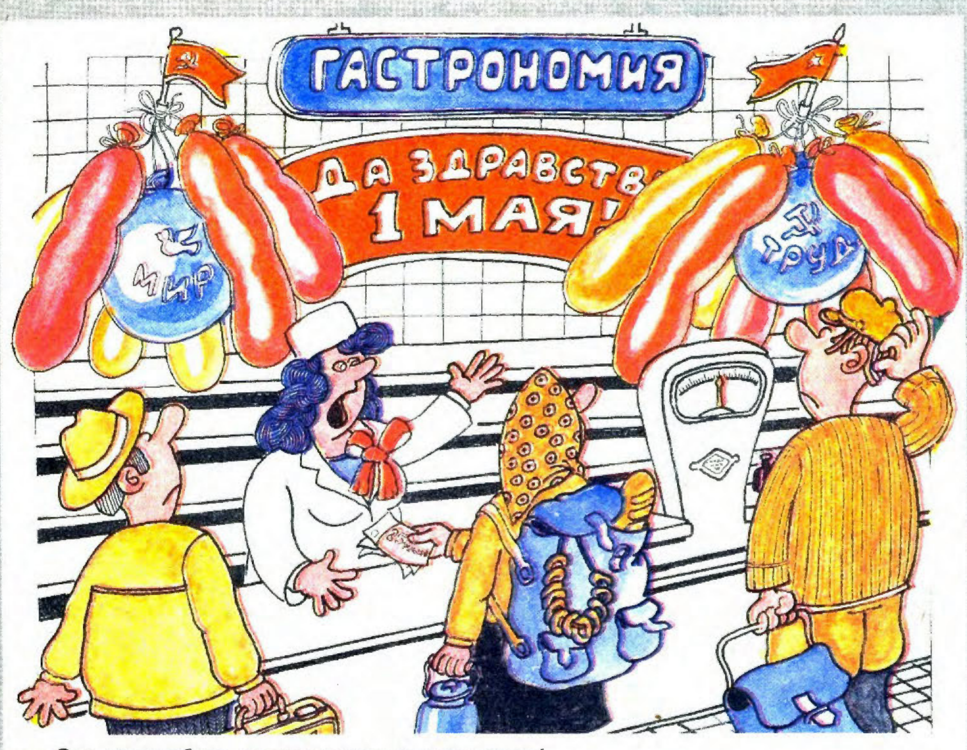
Примечание Крокодила. Письмо это, прямо скажем, не уникальное. Мы взяли одно из многих на эту злободневную тему. Чего греха таить, не любят у нас «частников». Частник да кооператор — это ведь в представлении иных злейший наш враг. При этом высокого ранга чиновники приложили максимум усилий, чтобы поддержать этот мерзкий образ. Еще бы — ведь с широким введением частной собственности на землю и орудия производства данные чиновники останутся без своей руководящей роли. Понятно, что заодно с ними и доблестные наши правоохранители, которые тем чиновникам верно служат.

Печально, что воюют против частника и некоторые рядовые граждане, хотя, кроме пользы (в виде мяса, молока и прочих сельхозпродуктов), упомянутый частник им ничего плохого не сделал.

Впрочем, нет. Сделал. Ну почему, спрашивается, мой сосед живет лучше меня? По какому такому праву? Надо немедленно у него все отобрать и разделить поровну на всех — вот тогда наступят рай и благодать. Такое понятие всеобщей социальной справедливости вбивали в наши головы десятки лет. А, как выразился поэт, «беда, коли втемяшится в башку какая блажь. Колом ее оттудова не вышибешь...».

Но вышибать надо. Всенепременно и обязательно. Иначе не накормить многострадальный и многотерпеливый народ наш. Ведь никакие подачки извне не помогут, если народ сам себя не прокормит.

Как вы думаете, читатель, почему за бугром живут лучше, чем мы? Да потому, что частная собственность почитается там священной и неприкосновенной. И охраняется законом.

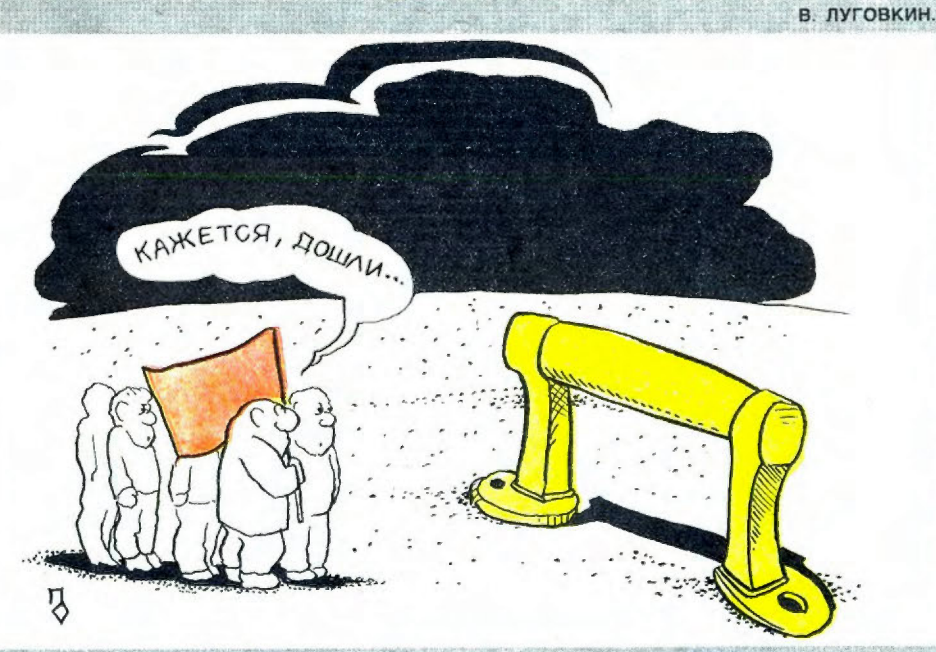


— Это не колбаса, а праздничные украшения!

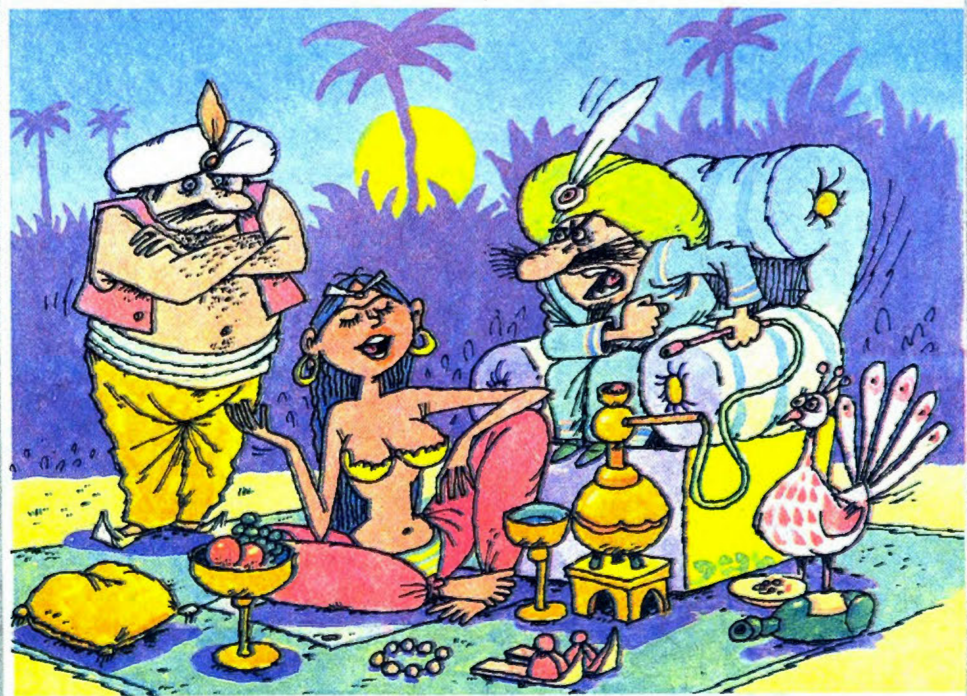
В. ЛУГОВКИН.



Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

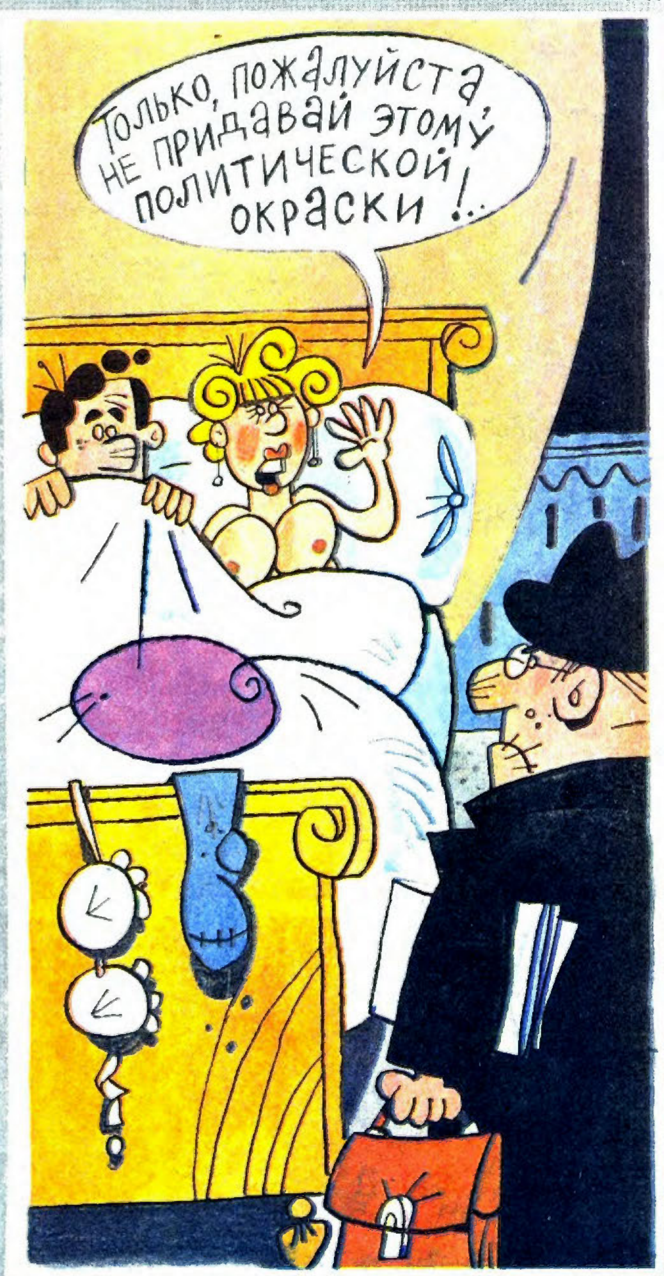


О. ПАНЬКОВ, г. Пермь.



— Зовите палача. Опять Шехерезада про перестройку начала!


И. НОВИКОВ, А. КОВАЛЕВ (тема).



В. ПОЛУХИН.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила



МАШИНА

Мы никудышно знаем отечество. Нас звали гневаться по поводу действий красных кхмеров. Нас строили на всесоюзных шканцах, чтобы клеймить позором латиноамериканские сельвы, где в вырезной листве гренадильных деревьев укрылись нацистские недобитки. Мы строились, воздевали руки, клеймили, но лишь теперь открываем вонькие негласные чуланчики своего собственного бытия, и долго еще наши потомки будут всплескивать руками: да как же папеньки наши и маменьки жили так?

Больше всего книжек, как свидетельствует картотека Ленинской библиотеки, написано человечеством по вопросам пола и секса. Затем — по марксизму, его ересям и ответвлениям. А затем идут многотомья, в стихах и прозе — сатир на характеристики. Мы знаем, что служебные и прочие составляемые на нас характеристики лживы, подлы, облыжны, зряшно восхвалительны, преступны, некомпетентны (туманная моральная устойчивость стоит выше элементарной профессиональной пригодности), вредоносны, подавительны. Тем не менее нигде в мире не придается, как у нас, столько хмурого и многозначительного внимания характеристикам.

А теперь не потомки, а вы, живущие ныне, всплесните руками, узнав, что основным документом для определения моего и вашего психического здоровья, вменяемости по сей день являются заверенные печатью и каким-нибудь административным хмырем характеристики, а уж потом — медобследование. Хотя наш советский психиатр и медобследование, как вы сейчас обнаружите, тем паче стационарное, может считать излишним.

Заключенным, граждане, быть плохо, но это с какой стороны посмотреть. Во-первых, у заключенного есть строго определенный судом срок. Во-вторых, заключенному и на общем, и в усиленном, и в строгом режиме оставлено право жаловаться. И пусть формально, пусть лживо, но жалобы его обязаны рассматривать наши инстанции.

Поэтому недальновиден тот руководящий работник, кто доводит своего оппонента и критика всего только до тюрьмы. В определенный день человек этот выйдет, а тревожить жалобами засадившего его за решетку управителя жизни он может и из тюрьмы.

А дальновиден тот, кто сподобился обрядить своего критика в официального, состоящего на учете шизо. Закон разрешает не рассматривать жалобы от такого, а главное — содержать его в психушке можно БЕССРОЧНО!

И упорхнул порученец с характеристикой, написанной коммунальным начальником Галушкиным на электрика Кухарева, в горпсихдиспансер. Больше того, даже некий милицейский чин из ГАИ возил туда же характеристику коммунальников на электрика.

И наша держава, заповедник безнаказанного надругательства над законом и правами человека, не подкачала опять. Очень кстати вскрылось, что множество лет назад Кухарев сам обращался в психдиспансер по пустячному делу, а теперь, коль есть еще плохая характеристика и того хотят парторганы, горпсихдиспансер без всякого обследования Кухарева дал в Центральный райком партии Волгограда справку об истероиде, психопате, клеветнике, дебошире и рваче Кухареве. (Сейчас обидимся только по поводу рвача. Почему же, граждане, рвач? Не рвач, а работник, любящий получать за конкретный труд. Вроде Петра Ильича Чайковского. Который честно говорил, что балет «Озеро лебедей» написал исключительно за деньги, а не по какому-то там озарению и вдохновению. Будем честны!)

Одновременно горпсихдиспансер дал подлую справочку и в ГАИ, при этом еще усилив, утяжелив диагноз мнимой болезни Кухарева. В глаза не видели врачи Константинова и Смирная электрика Кухарева, никогда его не обследовали, а страшными справочками насорили: ведь райком хочет прищучить электрика, как ему откажешь!

А наш электрик уже несколько лет был женат на замечательной девушке Нине, и тесть с тещей образовались у него — тоже красивые своими поступками в жизни — все еще бывает так! — люди. И громадная радость для всех: только что купили Кухаревы «Жигули». Совет да любовь! Труд да согласие!

А счастливого слаще бить. Счастливый больней воспринимает несчастье. И без проволочек выдернули Кухарева в областную ГАИ: ну-ка, шизик, права на стол!

— Ладно,— сказал Кухарев, выкладывая права на стол.— Ладно, сила опять ваша, а правда — моя. Гнать бы вас всех взашей, да, беда, Горбачев кручинится: мол, мы вынуждены работать с теми, кто нам достался, их выгонишь — так кем заменить... Но заменим!

— Ты, что ли, шизик?

— Я. Мы. Народ.

И семь месяцев новенькая машина семьи стояла на приколе. Власть — великое дело. Так что по делу поется: казна пуста, но танки наши быстры, а наши боссы — что и говорить...

Хотя была вот такая страна, старопрежняя Россия. И копните вы пожелтевшие первоисточники, обратитесь к нынешним академическим авторитетам, все в один голос вам скажут: ой, много другое было прежде отношение к блаженному на Руси. Не стремились затоптать его, а всяк блаженному на помощь придет, всяк долгом своим считал приветить божьего человека.

Но наши героические десятилетия — понаблюдайте! — эту вредную национальную черту перемололи. Что и спознала на себе в полной мере семья здорового и славного сына России, каковым сыном России бы и гордиться, сожалея, что таких сынов у нее покуда не полный комплект.

И, рыдая, приходила домой из общественных мест Нина Кухарева, наслушавшись сострадании в райкомовско-милицейской трактовке, что нет же, Нинуля, от судьбы не уйдешь, и какая же ты, красавица, горемычная, что достался тебе мужик — порченный в голове.

И сынок с улицы приходил — весь в крови, дрался за папкину честь, когда мальчики, с подачи своих злых родителей, говорили хулу про отца.

И сам наш Эдуард-Виктор Михайлович наслушался в миру оскорблений по поводу даденных на него справочек сверх всякой меры. И, изрядный в прошлом боксер, не спал он опять ночами, представляя себя в ринге со всеми с ними, находящимися в полной дружественной сплотке и зацеплении,— с неправедными полковниками милиции, прокурорами (вплоть до государственных советников), глав- и просто врачами, секретарями обкомов-райкомов, коммунальными боссами. И он бил их на ринге в своих бессонных видениях, так что горлом лезли из них гнилые печенки и отлетал гнилой дух.

Но то — в видениях, ночью. А днем, посадив в себе мастера ринга на цепь, делал Кухарев быстрее и лучше всех свою электрическую работу, а потом сотнями листов писал жалобы.

И победил, и даже жив по сей день! Но жив он и победил потому, что время вывело на его жизненный путь четырех человек. Первый из которых — волгоградский известный журналист Ю. Г. Водольский. Он ЧЕТЫРЕЖДЫ яростно выступал в защиту рабочего Кухарева, хотя горком КПСС травил за это Водольского хуже, чем римляне первых христиан.

В бывших коридорах обкома, ныне частично отошедших Советам, я искал трех других людей, защитивших электрика: председателя облсоветовской комиссии по защите прав граждан Лосева и двух постоянных членов комиссии — Андреева и Крупатина.

Вот эти трое, люди новой нравственной и должностной волны, люди чести, люди вне системы начальственного сговора против всякой праведности, проделали бесстрашную и огромную работу. Они СПАСЛИ электрика Кухарева. Они постановили, что не путем устных невнятных словес, а через печать областная психиатрия должна принести глубокие извинения Кухареву. Они постановили, что горпсихиатрия обязана отовсюду отозвать свои справчушки, поскольку вообще не имела права давать их в райком, а в милицию дала справку с ложным усилением диагноза. Комиссия резко поставила вопрос о служебном соответствии психиатров Константиновой и Смирной. И о волгоградской прокуратуре, лично о прокуроре области Н. П. Рудневе, все действия которых были устремлены не на изобличение должностных гонителей Кухарева, а на гонения самого Кухарева.

И непотопляемому, несгораемому Галушкину — вот с кого бы копировать нашим конструкторам атомные подводные лодки! — доросшему теперь аж до степеней председателя исполкома Красноармейского райсовета, уделила внимание комиссия. Рекомендовала она прокуратуре еще раз проверить вереницу прежних и свежайших нарушений законов Галушкиным, после чего решить вопрос о работе и депутатстве Галушкина.

Есть в решении и про нынешнего генерала волгоградской милиции В. Ф. Дергачева, про его зама И. А. Шляхова, которые, не хуже сержанта Павлова, оборонили здание УВД от депутатов Крупатина и Андреева. Не дрогнули, наплевали на статус народного депутата в СССР — не выдали Андрееву и Крупатину никаких бумаг о служебных расследованиях по тем высше-средне-младшим чинам милиции, что притесняли Кухарева. (Скорее всего потому и не выдали, что выдавать было нечего, не было никаких расследований, а только для виду с генеральских высот по поводу дубинок, ареста и задержаний выражалась укоризна за «элементы поспешности и невыдержанности» милицейских кадров. Так что знайте теперь: если вас начнут охаживать по хребту дубинками и бросать на нары — это всего только «элемент невыдержанности»).

А от всей души охотились за Кухаревым милиционеры. И вот только два случая по искоренению милицией Кухарева, человека правды. Да, ему были вынуждены вернуть права, но в районе металлургического завода был он немедля остановлен и схвачен работниками вневедомственной охраны завода

Окончание. Начало в № 12.

На стр 12. ▶



С. СПАССКИЙ.

Виктор ПОДКОВА, специальный корреспондент Крокодила

КОНТРАБАНДА,

или Разговор с таможенной инспекцией о прозе жизни

Сейчас многие ждут Закона СССР о въезде-выезде.

Это так говорится по телевизору и особенно по телефону, а на самом деле слово «въезд» можно в законе и опустить — никто не обидится. Но закон законом, а как бы чего не вышло. Нельзя же, например, выпускать простого советского человека за границу без медкомиссии, контролирующей мощность его сердечной мышцы. Представьте себе: заходит он в какой-нибудь супермаркет и видит, чего да сколько там есть на прилавках, а не под. Корреспондент Крокодила, закаленный, выживший после стольких анонимок, глянул на это изобилие — и дурнота к горлу подступила. И сердце стучит, как пламенный мотор, и рвется из груди, только что не выскакивает за пределы скелета — ребра не пускают.

И ведь не в какой-нибудь чужой Америке это со мной случилось, а в обыкновенной — бывшей почти нашей — Польше. Товар в магазинах сплошь германский да голландский, фрукт — ананас заморский, а овощ — свой, польский. Мясо с колбасами тоже местного происхождения. Да еще много кой-чего. Словом, живут поляки, не пропадают. А ведь еще лет пять назад целыми ордами приезжали к нам в СССР и скупали все, что нельзя было вывозить за границу.

Но, по совести говоря, совсем дурно мне стало, когда я случайно забрел на рынок польского города Белостока. Тут уж про сердце и говорить нечего — в головном мозгу короткие замыкания начались. Ибо товар на рынке... сплошь московский да ленинградский, киевский да минский. Правда, с сильной прослойкой прибалтийского. Уж на что богат спекулятивный Рижский рынок в Москве, а ему до Белостокского — как отсюда до далекой Галактики. Признаться, я и товаров таких за свою жизнь в нашей родной стране не встречал и не подозревал, что они у нас еще производятся. Какие-то диковинные колбасы и консервы, икра и крабы, шубы и дубленки, книги и автомобильные запчасти. Короче, если вы не знаете, что вам надо, пожалуйте на Белостокский рынок, это там есть. И все — советского производства. Да и люди торгуют наши, родные, советские. Так что никаких проблем с языковым барьером. И товар приобретешь, и с продавцом посудачишь о том, сколько времени у нас за этим товаром надо торчать в очереди.

Не подумайте, пожалуйста, что Белосток в этом отношении чем-то отличается от других польских городов. В самом центре Варшавы — настоящие торговые ряды из советских товаров. Благо свободная торговля в Польше разрешена законом, полиция никого не вылавливает, у нее нет вопросов к продавцам.

У меня, признаться, были.

Вопрос первый: где эти коммерсанты умудряются доставать такую прорву товаров? Впрочем, это вопрос риторический. Ясно, что наши затоваренные базы и подсобки магазинов давно перестроились и активно осваивают внешний рынок.

Второй вопрос: как они ухитряются все это продавать, когда в магазинах Польши такое оглушительное изобилие?

Ответ ужасно прост: продают они в дватри раза дешевле, чем в магазине. Конечно, советский пылесос заметно отличается от немецкого или японского. Но все же это пылесос, а не утюг. При определенной сноровке его вполне можно использовать по назначению. И для небогатого человека легче приобрести эту сноровку, чем заплатить в несколько раз дороже.

Продавцу это тоже не в убыток: продает-то он все же за конвертируемую валюту, за злотые, а покупал за рубли, по дешевке. Наши, так называемые государственные, цены несравненно ниже европейских по любому счету. Наторговав валюты, коммерсант закупает польский ширпотреб, а потом продает его в СССР по астрономическим ценам. И у него опять есть рубли, с которыми можно идти на базу...

Но вот последний вопрос: как же все это провозится через границу? Как усмиряется легендарная свирепость нашей таможни, о которой мы слышали столько рассказов, граничащих с фантастикой? Вроде и миноискателями тебя по бокам проглаживают, и собаками пронюхивают, и багаж твой просеивают через мелкое сито-решето. Да чего там рассказы: я и сам был, что называется, вывернут наизнанку вместе с чемоданом при пересечении государственной границы СССР в г. Бресте.

С этим последним вопросом корреспондент Крокодила был вынужден обратиться к представителю Главного управления таможенного контроля Ю. Коновченко.

— А вот почитаем,— предложил Юрий Николаевич,— высочайший Указ от 6 ноября 1885 года. Только одна цитата: «При выявлении контрабандных товаров 10 процентов идет в пользу больничной кассы, еще 10 — на инвалидные дома, 30 процентов — в пользу казны, а остальные 50 — в награду досмотрщику, обнаружившему контрабанду». Как вы считаете, выгодно было ее обнаруживать?

Я посчитал, что очень выгодно. Очевидно, в прошлом веке лучше знали человеческую душу. А царь, издавший такой указ, наверняка был знаком с политэкономией царизма.

Что же происходит в нашей социалистической действительности? Ну, правильно, и сейчас за обнаружение товаров, запрещенных к вывозу, таможеннику могут заплатить премию в несколько окладов. Ю. Коновченко официально подтверждает, что верхний предел премии практически не ограничен. Но в том-то и дело, что премию **могут** заплатить. А **могут** и не заплатить. Это уж как решит вышестоящий начальник. Вдруг инспектор таможни хорошо ловит контрабандистов, но однажды нехорошо посмотрел на этого вышестоящего? Или прошел мимо него нестроевым шагом? Да мало ли чего может случиться с подчиненным. А зарплата у него весьма средняя — около двухсот рублей...

И все же, помнится, меня на границе досматривали весьма скрупулезно. Да и окружающих «шмонали», как рецидивистов. Где уж тут провезти недозволенное...

— Ну вот вам пример,— продолжал разъяснять Юрий Николаевич,— недавно на морской таможне порта Вентспилс задержали гражданку С., выезжавшую на постоянное жительство в Австралию...

Собственно, задержали не саму гражданку, а контейнеры с ее вещами. В самый последний момент перед отходом судна, когда уже закончился досмотр. Что-то насторожило начальника таможни, и он решил еще раз проверить багаж. Ну, проверили, что за домашний скарб увозит гражданка С. в далекую Австралию. Насчитали: десять новых мебельных гарнитуров, пятнадцать холодильников, двадцать телевизоров, аж сто пятьдесят надувных матрасов и так далее.

Предположим, гражданка С. надеялась сразу получить где-нибудь в Сиднее квартиру в десять комнат и с комфортом ее обставить. Из матрасов, может, рассчитывала соорудить плот на случай шторма. Но вот зачем она прихватила в Австралию двести советских утюгов, гражданка С. объяснить затруднилась...

На следствии выяснилось, что С. сумела пройти таможенный досмотр не с первой попытки. Перед Вентспилсом она побывала в двух других портах, но договориться не сумела. По-видимому, договаривающиеся стороны просто не сошлись в цене.

— Теперь вы все понимаете? — с надеждой спросил Юрий Николаевич.

Теперь я понимал почти все. Даже слухи о том, что за провоз одного контейнера через границу без досмотра требуется взятка в тридцать тысяч рублей, перестали казаться мне недостоверными. Вспомнилась, кстати, недавняя публикация о таможенниках из международного аэропорта «Шереметьево-2». Там дело тоже было поставлено на широкую ногу, и сложилась даже определенная такса за разные виды «услуг».

Такса такого рода, сами понимаете, не утверждается Госкомитетом по ценам. Деньги взимаются сугубо индивидуально: в зависимости от внешнего вида клиента, его внутреннего настроя и даже выражения лица в данный момент.

Не так давно мне пришлось наблюдать, каким образом прорываются коммерсанты, вывозящие наш отечественный товар через советско-польскую границу на личных автомобилях. С первого захода здесь не прорвешься, тебя тут же завернут обратно. Но хитрый коммерсант упорно возвращается к границе снова и снова, пока не пройдет пересменка у таможенников и он, наконец, не попадет на «нужного» человека.

Я поджидал самодеятельных купцов на территории Польши. На удивление, говорили они довольно откровенно:

— Дал три сотни,— коротко объяснил житель Белостока Марек К. Его приятель, Здислав Н., снисходительно улыбается — ему проезд обошелся всего в 200 целковых.

Разумеется, интервью эти неофициальные, и откровенные нарушители таможенных правил дают их лишь потому, что предполагают во мне товарища по несчастью.

Между тем наше государство неустанно сражается с незаконным вывозом товаров за границу. То и дело ужесточаются меры, издаются новые указы и постановления.

Результат пока от них один: повышаются ставки за нелегальный провоз. И уже маячит впереди мрачная перспектива запрещения выезда советского человека за границу. Как теперь принято выражаться, альтернативный вариант закона о въезде-выезде.

А может, вспомнить царский указ о награде досмотрщику? Ну, если не половину, так хоть треть можно бы отстегнуть. Ведь экономические рычаги, как известно, куда мощнее административно-правовых. Так, во всяком случае, считает работник Главного управления таможенного контроля Ю. Коновченко. А уж он на этом деле, как говорится, собаку съел.

Варшава — Белосток — Москва.



М. ВАЙСБОРД.

9 МАЯ

Характеризуя жизнь Юрия Иванова, несведущие люди могли бы сказать кратко: «Глухо, как в танке». Потому как сел Иванов на танк в 1941-м и не слезал с него целых 43 года. Разве что для получения боевых орденов и медалей, курса лечения в госпитале, переезда с фронта на фронт или из одного военного округа в другой. Даже по Кубе на танке поездил — выполняя, как это принято говорить, интернациональный долг. А в отставку вышел генерал-лейтенантом, с должности зам. командующего Приволжским ВО. И поселился в городе Минске на улице... какой бы вы думали? Правильно, Танковой!

Но нет, не «глухо» прошли эти 43 года. Помогали чувство юмора и приобретенная вторая профессия — журналиста. В чем предлагаем читателям убедиться лично.

Генерал-лейтенант Ю. С. ИВАНОВ

ФРОНТОВЫЕ ЭТЮДЫ

РИСК С КУРЬЕЗОМ

В начале марта 1943 года наступила оттепель, прошел дождь, а затем внезапно ударил мороз и сковал поверхность снежного покрова, превратив его в твердый панцирь.

В это время на моем танке как раз сгорел умформер радиостанции. Начальник связи майор Киселев реагировал на это бурно и категорично:

— Как спалили, так и выкручивайтесь. Запасных у меня нет...

— Да я бы вывернулся, но магазин радиотоваров закрыт на переучет...

— Не оригинально.

Думал, в общем, гадал, как восстановить вышедшую из строя технику, и ни к чему путному не пришел. Подсказали полковые разведчики, сообщив, что примерно в километре от занимаемых нами позиций, вблизи сгоревшей деревни Петряево, в воронке на нейтральной полосе (между нашими и фрицевскими позициями) стоит танк Т-34 — возможно, с радиостанцией.

Машина угодила туда летом во время неудачного наступления и принадлежала танковой бригаде, которая ныне действовала на другом участке фронта. Во избежание напрасных жертв эвакуировать танк никто не решался, ибо все подходы к нему просматривались и простреливались, как с нашей, так и с немецкой стороны.

Незадолго перед этим в боях под Старой Руссой я приобрел опыт действия в «нейтралке» еще в более сложной ситуации и решил рискнуть.

С радистом-пулеметчиком подобрали комплект нужного инструмента и подготовились к санкционированной вылазке.

Всю ночь немцы назойливо освещали местность ракетами. По-пластунски нам удалось добраться до танка, снять радиостанцию, прихватив формуляр на нее, и благополучно тем же путем возвратиться...

Весенние месяцы прошли в беспрерывных жестоких боях. Таяли ряды моих товарищей. Пришла пора, когда полк сняли с передовой и вывели во второй эшелон для доукомплектования и отдыха.

Мой взвод пополнился новыми людьми. По вечерам после выполнения регламентных работ и ужина собирались вместе, вспоминали погибших, рассказывали удивительные истории. Наиболее интересные случаи повторялись, и мы, зная, чем они закончатся, все равно слушали, не перебивая рассказчика.

Дошла очередь до прибывшего лейтенанта Кульмаметова. Он начал:

— Неподалеку от разрушенной деревушки Петряево во время атаки мы угодили в огромную воронку, засыпанную снегом... Задачу не выполнили не только мы...

Я насторожился: что-то знакомое послышалось в названии населенного пункта.

— Командира батальона понизили в должности, другим, в том числе мне, пригрозили: если не сохраню танк, то военного трибунала не избежать... Вот наш экипаж вместе с пехотой и сидели в первой траншее, метрах в трехстах от машины... Глаз с нее не спускали. В любой момент могли открыть огонь, несмотря на то, что все подступы к ней саперы заминировали...

Тут у меня по телу пробежали мурашки... А новичок продолжал:

— Танк мы, конечно, уберегли... Что же обнаружили в дальнейшем, просто необъяснимо! Весной, когда отбросили фрицев и вытащили машину, то заметили пропажу радиостанции. Когда сумела ее похитить гитлеровская разведка?! В сильный холод мы, правда, ненадолго уходили погреться в блиндаж... Но почему они не подорвались на минах? Загадка!

Не произнося ни слова, я поднялся, залез в боевое отделение своего танка и достал оттуда замасленную книжку формуляра.

— Этот?

Бегло ознакомившись с техническими документами, Кульмаметов изумленно выдавил:

— Этот. А как он к тебе попал? — и испугавшись:— А как же мины?

— Самому жутковато... Очевидно, крепкий наст, по которому мы ползли, выдержал нагрузку, оттого и не сработали капсюли-детонаторы...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ

Утром в день выписки из госпиталя № 4176, что располагался в лесу юго-восточнее города Торопца, вместе с документами мне возвратили личное оружие и обмундирование. Вместо тяжелого полушубка из овчины, в который я был одет три месяца назад, выдали стеганую телогрейку без погон. Сапоги мои, латаные-перелатаные, уже давно потеряли товарный вид.

Пожилой сапожник взвода обслуживания, глянув на сапоги, помотал головой и объявил:

— Решето. Пора выбрасывать. Кирза — она и есть кирза.

Затем его взгляд остановился на парабеллуме и эсэсовском кинжале в черных кобурах, висевших на такого же цвета ремне с бляхой, на которой можно было прочитать выбитое готической вязью «С нами Бог».

— Дозвольте посмотреть?

— Конечно, жалко, что ли.

Мастерового больше всего заинтересовал кинжал. Он с любопытством рассматривал длинное холодное лезвие, ударял им по чурбаку и приговаривал:

— Ух ты! Сталь-то какая! Может, махнем на что-нибудь?

— Не могу. Добыт в бою.— И, чтобы поднять значимость трофея, с пафосом добавил: — При разоружении пленного офицера вермахта.

— Ну хошь, я тебе сапоги из плащ-палатки стачаю? Легкие, на лето-то, а? А ножик-то себе еще добудешь, на войну ведь идешь.

Эх, молодость, молодость! Уговорил ведь старина. Вечером я примерил темно-зеленые, легкие как пушинка джимми с тупыми носами. Обновка, как мне казалось, должна была производить неотразимое впечатление.

В новенький вещевой мешок уложил продовольственный паек на трое суток и тронулся в путь.

До танкового полка предстояло добираться: пешком до железной дороги, затем на попутном товарняке, а дальше, если повезет, автомобильным транспортом, доставлявшим грузы на армейские подвижные склады. Последние пятнадцать — двадцать километров снова отмеривал своими двоими, ибо туда, где стреляли, калечили и убивали, кроме боевой техники, редко кто ездил. Перелески чередовались с чистым полем, ни населенных пунктов — только указатели «хозяйство Сидоренко»,— ни встречных солдат, которых можно было бы расспросить...

— Стой! Пропуск?!

— Не знаю. Ищу танкистов. Они где-то здесь, поблизости...

— Момент! С места не сходить!

Пока озирался, ища, откуда исходит голос, внезапно, как будто из-под земли, выросли два дюжих молодца. Они в мгновение ока обшарили меня взглядом с ног до головы. Фигура в распахнутой телогрейке, черный ремень, черная кобура парабеллума на левой стороне живота, фасонная, не для войны обувь — все это не внушало им доверия.

— Кто такой? Документы!

Известно, что нет нечистой силы. Но недаром в народе говорят «черт попутал!». Не иначе, как сам черт дернул меня выпалить:

— Обер-лейтенант...

Не успел досказать фамилию, как мне заломили руки за спину и разоружили ловким движением.

Только тогда до меня дошло, что я наскочил на один из заградительных постов. Возмущаться и сопротивляться не стал, дабы не схлопотать по шее.

Последовали вывертывание карманов, осмотр пустого вещевого мешка и чтение документов с примитивным перекрестным допросом:

— Где расположен госпиталь? Как называется железнодорожная станция, где сошел с поезда? Фамилия начальника штаба полка, куда следуешь?

Ответы, кажется, удовлетворили. Чтобы окончательно убедить, что я не шпион и не диверсант, использовал последнее доказательство:

— Товарищи, да я же пошутил, разыграть хотел... Вот посмотрите...

Снял пилотку, нагнул голову и показал едва затянувшиеся рубцы. Подействовало. Шрамы оказались лучшей визитной карточкой, убедительнее предписания и справки о ранении.

Меня отпустили, напоили чаем и показали прямую дорогу, выводящую в танковый полк. На прощание, улыбаясь, пожали руку:

— Ну бывай, обер-лейтенант... Желаем стать капитаном!

ИСЦЕЛЕНИЕ

Мои джимми участвовали еще в одном довольно необычном похождении.

Нас вывели во фронтовой резерв, а это означало, что отоспимся, посмотрим кинофильм, напишем домой письма.

Не радовался только командир танкового взвода В. Коршунов: в бою отлетевшая невесть от чего металлическая пылинка угодила ему в правый глаз и вызвала обильное слезотечение. Закапывание лекарством в медицинской роте не помогло. Пришлось обращаться в полевой госпиталь. Ни промывание, ни попытки извлечь инородное микроскопическое тело магнитом не увенчались успехом. Возвратился старший лейтенант с таким же плачущим глазом, постоянно смахивая слезу салфеткой из бинта.

Неподалеку от нашего района сосредоточения стояла артиллерия крупного калибра. Она реже меняла позиции, чем мы, а потому и быт ее личного состава отличался большей комфортностью.

По случаю приезда к «богам войны» шефов из города Иванова, да еще с самодеятельными коллективами артистов, пригласили делегацию и от танкистов.

Коршунов давно посматривал на мои джимми, а тут попросил:

— Дай пофорсить, как-никак в гости иду.

— Бери.

Начищенный и выбритый, в гимнастерке из английского сукна, поставленного по ленд-лизу, с подшитым белоснежным подворотничком, взводный отправился на дружескую встречу.

После концерта состоялись танцы. В ходе мимолетного веселья право на танец с приезжей артисткой задиристый Коршунов не поделил с не менее задиристым артиллеристом. При выяснении отношений один на один не обошлось без легкой кулачной потасовки.

Наутро Виктор предстал перед нами с фонарем под правым глазом, светившимся всеми цветами радуги. Младшие об украшении спрашивать не решались, а мне требовалось заполучить одолженное:

— Ба, Виктор, откуда такая блямба?

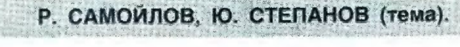
— Все из-за них.— И он показал на пыльные джимми.— Пристал там один: давай меняться, давай меняться... Ну, вот и видишь...

Я его поблагодарил за твердость и сочувственно порекомендовал прикладывать к ушибленному месту кусочек латунной гильзы. Советом он пренебрег, а глаз перестал слезиться.

ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕРЮШЕК






Р. САМОЙЛОВ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).




Ю. СТЕПАНОВ.



— По-моему, он решил из нас сварить суп...

Р. ДРУКМАН.

«ТРЯХНЕМ СТАРИНОЙ!»

Писатель Ефим Вихрев (1901—1935) известен главным образом своими очерками о всемирно знаменитом искусстве Палеха, в свое время высоко оцененными М. Горьким. Однако его имя значится и в справочнике «Советская сатирическая печать»: в 20-х годах его фельетоны печатались в газетах и журналах. Сатирическая закваска и позднее сказывалась в творчестве писателя.

Сатирики современные не раз подвергали осмеянию бездумно-административную практику «помощи селу» посылкой туда из города разного рода уполномоченных. Но когда, собственно, начались эти авральнo-показушные «хождения в народ»? История вопроса теряется во мгле минувших десятилетий...

К примеру, в сентябре 1933 года Краснопресненский райком партии г. Москвы мобилизовал члена ВКП(б) Е. Вихрева уполномоченным по заготовкам овощей. В этом у писателя не было ровно никакого опыта, зато были неотложные литературные дела и скверное здоровье, поэтому он писал в райком: «Считаю более честным просить об освобождении меня от этой работы, чем браться за нее и потом не справиться с ней». Но, конечно, это уже не имело значения... И, наверное, единственным реальным итогом овощезаготовительной миссии уполномоченного был опубликованный им позднее в журнале «Тридцать дней» рассказ, который для организаторов «овощной мобилизации» звучал, надо полагать, скорее как фельетон. Впрочем, судите сами.



Ефим ВИХРЕВ

КОМАНДИРОВКА В МЕЧТУ

В день отъезда я проходил по Кузнецкому мосту и остановился у витрины художественного магазина.

Молодые художники нарасхват разбирали только что полученную партию этюдников. Я тоже попросил показать мне этюдник и раскрыл его...

— Так, значит, вы берете? — спросил меня продавец.

Мне стало неловко перед ним, и я ответил машинально:

— Да, да, я возьму... Дайте мне уж заодно и краски и кисти.

Когда я выходил из магазина, мне казалось, что на меня все смотрят с недоумением и улыбкой: вот тоже человеку этюдник понадобился...

Опять я вспомнил с досадой, что сегодня мне нужно ехать в отдаленный подмосковный район заготовлять овощи. Недописанные страницы, недочитанный Вергилий — все это я должен был оставить и ринуться в темь районных распутиц, к капустным и картофельным бороздам.

Если б овощи мне нужно было заготовлять для себя, я не поехал бы, но они нужны Красной Пресне, и не ехать нельзя.

«Какие-нибудь две-три недели»,— сказали мне в райкоме.

Две-три недели! Мне стало тоскливо и горько. Да вот еще вместо того, чтобы приготовиться к отъезду, я зачем-то связался с этюдником... А что, если мне взять его с собой? Почему бы не испробовать свои силы? В конце концов не боги горшки обжигают.

В вагон я сел в самых расстроенных чувствах. Я лег на верхней полке. Портфель с инструкциями и с «Сельскими поэмами» Вергилия положил под голову, а этюдник закинул под потолок: авось украдут — все было бы легче.

Скучно. Зябко. На влажном, струйчатом стекле вагонного окна видятся мне далекая серая деревня, сырая солома кровель, неуклюжий журавль и черная куча картошки в поле.

...К счастью, утро выдалось солнечное и чистое, когда я заявился в колхоз. Земля успела просохнуть. Воздух был по-осеннему прозрачен, небо — по-осеннему сине.

У порога колхозного домика, крытого приятной мозаичной черепицей, меня встретила веселая молодая женщина в ярком сарафане.

— А, здравствуйте,— сказала она, завидев меня,— вы к нам? — Она отвесила мне низкий поклон и тонкими розоватыми пальчиками прихватила подол узорчатого сарафана. Она сделала что-то вроде реверанса.

— Вы к нам? — повторила она.— О, это так мило с вашей стороны. Идемте, я буду вашим чичероне. Вас прислал райком? О, это так мило со стороны райкома!

Тут она бантиком сделала губки и посмотрела на меня кокетливо.

— А меня зовут Анета... А вон идет и мой муж Тирсис, председатель нашего колхоза.

Она лукаво улыбнулась мне, и на щечках ее заиграли нежнейшие трепетные ямочки.

— А меня зовут Еффим,— отрекомендовался я ей, и тут впервые собственное имя показалось мне очень красивым, как бы золоченым.

— Чудесное имя: Еффим! Какая легкость!

Она постучала каблучком по ступеньке крыльца.

Вскоре к нам подошел Тирсис, светлорусый, кудрявый и голубоглазый юноша. Молодые супруги привели меня в светлый свой домик, полный цветов и ароматов.

Здесь я вытащил из портфеля Вергилия и сказал Анете:

— Разрешите вам подарить от полноты чувств эту столь полезную в социалистическом хозяйстве книгу.

— Ах, я так рада! — воскликнула она.— Вергилий — это же наш любимый поэт, и книга его так приятно актуальна,— закруглила она.

— Анета, не утомляй товарища, ему нужно отдохнуть с дороги,— сказал Тирсис.

Позавтракав, я пошел с новыми своими друзьями в поле. Язычки кленового пламени падали на мозаичную черепицу крыш. Трогательно пели удалые колхозные петухи. Высоко летала слоистая осенняя паутина.

В поле были сложены ровными ритмическими рядами собранные овощи: красная морковь, зеленые огурцы, синяя капуста, лиловая свекла. У каждого ряда была воткнута в землю палочка с дощечкой. Там, где была разложена морковь, надпись на дощечке гласила: «георгики». У капусты была надпись: «буколики». У огурцов: «вергилики». И так далее.

Колхозники аккуратно складывали корнеплоды и овощи, отсчитывали их поштучно и, уложив, отходили на несколько шагов, чтоб полюбоваться плодами земли, плодами своей работы.

Анета тоже включилась в доходный трудодень. Как ловко движутся ее руки! Как мило перебирает она овощи тонкими развитыми пальчиками! Как гармоничны линии ее плеч, талии, бедер!

Тирсис лучезарно улыбался направо и налево, дружески всем кивал, похаживая от бригады к бригаде. Он писал на пергаментном свитке денные сводки. Он выводил достойным почерком с титлами и виньетками, звучные слова: «Ход овощезаготовок».

У колхозниц были вдохновенно румяные лица. Колхозницы пели прозрачно-чистые лирические песни.

— Вот я здесь и приступлю к делу,— сказал я,— а вы пока, друзья мои, ударными темпами вылезайте из прорыва.

— Сейчас я отберу самые лучшие морковки,— сказала Анета.

Я сел на бугорок, положил этюдник себе на колени и раскрыл его.

Анета взяла в руки корзинку с полноцветными плодами и приняла непринужденную позу. Позлащенные солнцем, радостно выпирали из корзинки красная морковь, синеватая капуста, зеленые огурцы, лиловая свекла. Ветерок играл пестренькими сарафанами колхозниц.

Анету я решил изобразить на первом плане.

«То-то рады будут в райкоме!» — думал я.

За нею на фоне фиолетово-коричневой рыхлой земли — цельные красочные ряды плодов, чуть засиненные осенним воздухом, над ними — склоненные фигуры колхозниц, у ног их — зелено-бурые плети ботвы, и дальше — в солнечной бесконечности — прозрачный простор оголенных полей, перекошенных скатами, холмами, ложбинами. На горизонте — сизая полоска леса, и выше — светлая синяя сфера...

— То-то будут рады в райкоме! — приговариваю я, неудержимо трудясь над этюдом.

Но с непривычки, увлекшись живописью, я задеваю палитрой крышку этюдника, и он вдруг сваливается с моих колен, да так, что ручка его зацепляется за мой ботинок. Тюбики с красками рассыпаются у моих ног, как стручки, но ящик никак не отцепляется.

— Гражданин! Эй, гражданин! — Проводник дергает меня за ногу.— Слезай, поезд стоит две минуты.

...Грязноватый мокрый рассвет!

В лужах бесприютно блуждают желтые отсветы поздних фонарей. Станционные постройки опутаны дождевыми сетями. В этюднике тарахтят тюбики с красками. Как не хватает их здесь! Хочется подойти к забору и размазать по нему вишневый кармин, огненную киноварь, небесный кобальт, снежные белила, все цвета солнечного спектра вылить в эту сырость и серость.

Но так как сейчас я не могу этого сделать, я начинаю про себя читать стихи любимых поэтов — каждая строчка для меня, как мазок кисти, и мысленно я расцвечиваю стихами серые дома и заборы, голые деревья, бесцветное небо.

А в конторе уже стучит машинка, звонит телефон, и я стою, разгоряченный и подобревший от ходьбы, перед заведующим, в чье распоряжение направлен.

Заведующий, радостно косясь на меня, кричит с озлоблением в телефонную трубку:

— А по свекле?! — гремит его простуженный бас.— Шестнадцать процентов? Позор, позор! А по моркови? Тоже объективные причины? Ну, так знай, персонально ты отвечаешь за свой участок.

По тоненькому проводу летит его голос в ближайший сельский Совет сквозь ветры и струи дождя.

Я стыдливо ставлю неуместный этюдник на пол.

— Вот еще один уполномоченный приехал. Сразу вижу: крепкий парень, пошлю его тебе на подмогу.

Тоненький провод бежит от столба к столбу, гудит ветром, капельки сползают по проводу и падают в пропасть.

Жизнь!..

Публикация А. ВИХРЕВА.

На холодный взгляд профессионала, эти агитки, во множестве появившиеся в прессе, бьют не столько тревогу, сколько указуют на то, что читательский интерес на нездоровинку стал зримо падать. Еще полгода тому назад нашего обывателя и за уши было невозможно оттянуть от похождений «ночных бабочек», блудодеев высокого полета, разложившихся партократов того же ранга и т. д. А нынче даже на столичных вокзалах пресса означенного толка сбывается с трудом, мобилизуя ее владельцев на изыски все новых тем и сюжетов. И вот изыскания увенчались успехом. Найдена! Найдена тема, которая, сколь ни вырабатывай, все будет актуальной, напрягающей, а самое главное — спросной! Тема эта — личная безопасность! Ваша, дорогой читатель, вашей семьи, близких. Ибо все обрыднет! И одиловская одиссея, и громкие репортажи о вымогателях, и вдумчивые очерки о наркомафии, а вот вопрос личной безопасности — это злободневно всегда. Ну, и там да сям средства массовой информации начали давать советы, как оберечь себя от нападений, насилий и краж, и, как у нас водится, договорились до края, договорились вот до чего: вопрос безопасности гражданина надо решать радикально, а именно — продавать оружие карманных калибров в личное пользование.

Ю. КАЗАНЦЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЩ МАУЗЕР?

Конечно, озабоченно сообщает, к примеру, газета «Гражданское достоинство», первое время кое-какая пальба произойдет, не без этого. Будут раненые, будут убитые. Но уж потом, когда оружие массово войдет в обиход, такая пригрянет культура общения, что куда там французам или тем же англичанам! Всех заткнем за кушак по части политесу! А все почему? А потому, наставляет газета, что всякий насильник, гопник, грубиян, разумея, что может нарваться на пулю, будет вынужден обуздать инстинкты и — куда деваться? — обратится в законопослушного гражданина, вслед за чем кругом настанет «бонжур» и «плезир».

Тут всякий читатель-здравомысл скажет: а стоит ли обращать внимание на эти агитки — вооружаться? Да мало ли глупостей и откровенной ахинеи публикуется нонче в печати? Много, признаю безоговорочно. Но товарищи, есть глупость, срок жизни которой мгновение, а есть, которые, несмотря на всю очевидность, застревают в мозгах масс, становятся идеей фикс. Вот я и волнуюсь, что идея — вооружаться! — из этого ряда. К тому же у нее много сопутствующих моментов. Во-первых, милиция стопроцентную безопасность сейчас гарантировать не может; во-вторых, иметь личное оружие — это просто заманчиво; в-третьих, организовать его производство пара пустяков, а прибыль можно иметь просто сказочную.

Так что не такой уж и глупостью засевается держава, она может дать всходы, а вот тогда... Впрочем, слово специалисту.

— Вот в этой мрачной по содержанию бумаге есть светлое пятно, есть цифры — 0,3 процента,— говорит заместитель начальника отдела профилактической работы службы общественной безопасности МВД РСФСР С. В. Голицын.— 0,3 процента — столько преступлений было совершено в России с применением оружия от общего числа преступлений в 1990 году. Будь у нас оружие доступно, как хочется отдельным гражданам, то этот процент, заявляю совершенно ответственно, достиг бы 60—80, а число жертв возросло бы просто невероятно. Так что призывать к распродаже оружия я бы поостерегся. Есть одна очень простая истина: чем больше оружия, тем больше крови.

— А вот некоторые товарищи убеждают, что наличие пистолета, к примеру, гарантирует безопасность его владельцу.

— Отнюдь. Придает уверенности — это да. Но гарантировать безопасность пистолет не может. Ведь если вы купили револьвер, то что мешает сделать то же самое противной стороне?

— Такой расклад может служить сдерживающим фактором.

— Согласен. Но для этого необходим ряд условий. Во-первых, социальная стабильность, что напрямую завязано с приличным жизненным уровнем; во-вторых, высокая правовая культура; в-третьих, религиозное воспитание... А что, простите, у нас? Ну, вот довольно показательный пример. Гражданин Р. купил у неизвестного пистолет «ТТ» (как он говорит, купил в целях самообороны, мол, время сейчас такое, смутное, преступное). И вот, вооруженный покупкой, останавливает «Жигули» — дело происходит в Кабардино-Балкарии,— выбрасывает из салона водителя, а в машине, кроме водителя, оказалось еще два человека. Р., не долго думая, их расстреливает. Садится в автомобиль и едет по своим делам. Сейчас задержан.

Плюс ко всему у нас обострились национальные отношения, и со стороны государства было бы просто безумием разрешить вольную продажу вооружений. Это прямой путь к гражданской войне. Можете ознакомиться,— и полковник протянул мне достаточно секретный документ,— но уговор: кто? где? когда? — об этом в печати ни слова.

Сжато о сути секретной бумаги: отдельные наши граждане начали делать маленький бизнес на... поставке нарезного оружия в горячие точки державы. Партии пока не велики, но все начинается с малого.

Я откланялся и вскоре был в чертогах Верховного суда РСФСР. С тем же вопросом: как смотрит правосудие на идею повсеместной продажи индивидуального оружия?

— А вот тут у нас как раз есть дело, одно из множества аналогичных. Вы ознакомьтесь, а потом и поговорим.

Я ознакомился. Думаю, будет небезынтересно ознакомиться и читателю.

Итак, чрезвычайно средний, даже по фамилии, житель Оренбургской области, Иванов Александр Владимирович, б/п, образование среднее, купил ружье. Изготовил из него обрез и в прямом смысле вышел на большую дорогу (Александр Владимирович устал снискивать хлеб насущный честным трудом, он решил посвятить себя разбою). Ну, и стоит, голосует на трассе, а добродеи, как известно, у нас не перевелись. Тормознул один УАЗ, кинул Иванов сумку в машину, сам залез на заднее сиденье, и не успел УАЗ набрать скорость, как грянул выстрел — попутчик выпалил водителю в спину. Обыскав труп, поживившись тремя сотнями рублей и шапкой, Иванов выбросил убитого из машины и покатил, как и положено лихому человеку, куда глаза глядят.

Вскоре он объявился в Москве, где незамедлительно с целью ограбления расстрелял еще одного шофера. Далее его путь лежал в Прибалтику, где разбойник лишает жизни еще одного человека.

Попытался обобрать оружейный склад одной из воинских частей, но был замечен. Отбивался гранатами! (К счастью, обошлось без жертв.)

Ушел.

Через несколько дней Иванов объявился на одном из хуторов. Поставил хозяев к стенке и, поизмывавшись, решил было пристрелить хозяина, но промахнулся, хотя стрелял почти в упор.

В конце концов разбойник был задержан, осужден, приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

— К сожалению, данный Иванов по своей духовной организации не одинок, и далеко не одинок,— говорили мне работники Верховного суда республики.—

А что же будет твориться, если мы законодательно, как предлагается, разрешим свободную куплю-продажу современного — как правило, полуавтоматического и автоматического — оружия, если один только Иванов уложил из огнестрельного обрубка трех человек?

...Автора этой публикации можно, конечно, поднять на смех. Мол, неумеренно трагедизирует обстановку, раздувает истерию на ровном месте — дело-то до купли-продажи оружия не дошло, все ограничивается газетными статейками да междусобойчиками...

А как знать, товарищи, как знать. Еще недавно многое из того, что случилось в Советском Союзе, не могло быть потому, что не могло быть никогда. А нынче сводки боевых действий ЦТ доводит до нас наряду со сводкой погоды.

И в этих условиях широковещательно призывать к свободной торговле оружием? Это же фактически признать: амба, сограждане! Мы в своих претензиях друг к другу охренели уже настолько, что все средства законодательного и гуманитарного толка для наведения порядка в державе исчерпаны! Разговоры в сообществе можно вести только посредством отверстия дула. Все прочее — для слабонервных и институток. Ваше слово, товарищ маузер!



В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

◄ Со стр. 6.

МАШИНА

и просто приблудными милиционерами из Краснооктябрьского РОВД (даже не службой ГАИ!). Схвачен он был, как доложили вневедомственники, за превышение скорости. А вневедомственники — они у нас бравые ребята. Зачем им полномочия, специальные знания, установленного образца радары? У наших вневедомственников глаз — как алмаз, а нос — как отвес, они без радара видят: превышал скорость, гад! И даже одна старушка подтвердила показания милиции: ой, бессовестно газовал варнак в «Жигулях», ой, грубиянничал против милиции!

(О старушке. Оказалось впоследствии — есть такая старушка, проживает на хуторе под Волгоградом. Но уже несколько лет — паралич! — на улицу не выходит, с постели не встает.)

Выдернутый из машины Кухарев был обработан дубинками. Окровавленный, в рваной одежде пешком он добирался домой. А вскоре позвонил ему на дом сам начальник РОВД Лавриненко И. Д.: ты Кухарев, что ли, тебя, что ли, избили? Ну, не держи зла, приезжай ко мне в райотдел, разберемся.

И поехал наш голубоглазый простяга к полковнику. А в РОВД упихал Кухарева в «Волгу» неизвестный ему подполковник и примчал к райсуду. Там подполковник накоротке и с глазу на глаз поговорил с дружественным милиции судьей Абрековым — и вкатил райсудья электрику десять суток за злостное неповиновение властям.

(Потом, с ленцой поигрывая в правовое государство, идиотский приговор отменили, полковники и подполковники — в который уже раз! — приезжали к электрику на работу, извинялись, шаркали форменными сапогами.) Но до этого, по приговору оставшегося безнаказанным судьи Абрекова, Кухарева бросили на нары спецприемника. Что повелевали должностные инструкции и закон начальнику спецприемника К. Н. Круглову? А немедля известить семью осужденного: ваш муж по приговору такого-то суда с такой-то минуты находится там-то...

Но намеренно, чтобы ударить больней, не сделал этого майор Круглов, дружный с кем надо из невоенных лиц и очень дружный также со своими подполковниками и полковниками. И два дня, приподнимая простыни на лицах покойников, металась по моргам Волгограда жена и мать Нина Кухарева. Известная всем богиня театра Наталия Сац некогда поседела за одну ночь после ареста. Нина Кухарева поседела днем, на глазах изумленных сослуживцев.

Но нет, и на этом не выработала милиция свою изобретательность.

Тщеславие — оно всем не чуждо, в том числе и электрикам. И подключал наш Кухарев что-то такое на стадионе — при этом выклянчил себе автопропуск на стадион. Понимаете? — ключевой матч, «Ротор» бьется за выход в высшую лигу, сам Галушкин как какой-нибудь простой смертный пешком идет в толпах болельщиков, а Кухарев, кум королю, почти к трибунам подруливает на своем авто! Вот он и рулил, предъявил пропуск, проехал, и уже после узнал майор ГАИ Цибин машину, закричал:

— Стой, Кухарев, стой, документы!

— Проклятые вы,— сказал Кухарев.— Богом проклятые, не матери вас рожали. Когда вы мне дадите покой?

Он заглушил мотор и поставил машину на тормоз, вышел с правами в руках. А был на дворе ноябрь, и стояла машина под уклон, на гололедной линзочке. И когда хлопнул Кухарев дверцей, содрогнул машину — сползла она на двадцать семь сантиметров вперед, коснувшись бампером ноги майора Цибина.

— Ой, ноженька, ой нога-нога-нога! Задавили! — запричитал майор Цибин, перекрыв голосом стадион. И вмиг появились носилки, вмиг был разыгран еще один омерзительный фарс. После чего трижды в последние годы прокуратура области, взасос дружественная милиции области, возбуждала против электрика уголовные дела, почему-то именующиеся «наездом». И привлекались знатные эксперты, чуть ли не трассологи и баллисты, замеряли уклоны, статические коэффициенты, вибрационный эффект, массу автомобиля без водителя...

И знаете что? Жизнь дает трещину: среди экспертов стало полным-полно честных. А некоторые даже высказывались, помимо честного письменного заключения: товарищи, да полно идиотничать, оставьте безвинного человека в покое!

Словом, в десятки тысяч рублей обходилась области эта смачная охота на электрика: то нападения, то виляния и отползания с извинениями.

Есть, конечно, есть и в СССР примеры любви и братства меж инспекторами ГАИ и водителями. Вот сердечный мой друг, художник Женя Шабельник, под Полтавой недавно превысил скорость, и то ли из дупла пирамидального тополя, то ли прежде маскировавшийся под нетель, пасущуюся при дороге (инспекторы это умеют!),— у обочины появился инспектор с радаром.

— Ох, и швидко гонит москвич,— взглянув на номер, молвил инспектор.— Штраф десять рублей.

— Виноват,— признался Шабельник и отслюнил десятку.

— Москвич,— пожурил инспектор,— это высокая культура вождения. Не компрометируйте столицу страны своими действиями. Счастливого пути.

— А квитанцию по поводу штрафа? — сказал художник.

— Та зачем квитанция? — запротестовал инспектор.— Бюрократизм.

— А если без квитанции, тогда гони пятерик сдачи. Гони, гони!

— Ой же москали! — закручинился инспектор и пятерку вырвал из недр организма с таким усилием, будто прощался с непарным органом.

— Ну и хохлы! — отреагировал художник.

— Ну и москали, счастливой дороженьки!

— Ну и хохлы, счастливо оставаться!

И судьба развела их, полных восторга друг от друга.

Но нету этой гармонии на улицах Волгограда. И, наверное, в той же радиотональности, в которой немцы тревожили военный эфир словами: «Ахтунг, ахтунг, Покрышкин в воздухе!» — раздается теперь на милицейской волне: «Ребята, Кухарев на трассе!»

Однако уже не выволакивают, в дубинки не берут, ногу к бамперу не приставляют. А, тормознув, говорят с приязнью:

— Ба, Кухарев, это ты? Небось осознал, сам в Дворянское едешь? Спеши, брат, там вправят тебе мозги, там покуда власть наша.

И, стиснув зубы, едет наш Кухарев до следующей неминуемой отмашки жезлом:

— Здорово, Кухарев. В Дворянское едешь? Не стал, значит, ждать, покуда прокуратура препроводит? Давай, поезжай. В Дворянское я тебя с сиреной и с мигалкой сопровожу!

И встанет после этого Кухарев к обочине, упадет головой на баранку, вопьется белыми зубами в черный эбонит, чтобы унять крик: страна, отечество мое — за что они меня так?

Тут остается выяснить: а что же оно такое — Дворянское? Дворянское, куда так настойчиво инспекторы предлагают ехать Кухареву.

А вот оно что — межобластная спецпсихбольница, еще вчера находившаяся в ведении МВД СССР. Сейчас она стала минздравовской, но порядки там прежние: специализированные шприцы, заряжающиеся латунными ампулками с рукоятки, решетки, стальные двери с глазками.

Не то что какой-нибудь щупляк — в ужасе от возможности попасть в эту больницу даже гигант и бесстрашник, красивый русский человек Владимир Ильич Рукавичников, волгоградский грузчик и машинист плавучего крана. Он, Владимир этот Ильич, хоть он и грузчик с деревообрабатывающего завода, на уровне адвоката-жилищника изучил наше жилищное и строительное законодательство. И, в мыслях об очеловечении нашей жизни, с цифрами и фактами в руках пытается доказать Рукавичников, сколько квартир было разворовано волгоградским начальством за последние годы. (Кстати, и наша Пащенко, сперва вторым слоем прописанная Галушкиным поверх гражданки Марченко, уже уличенная в этом, вместо наказания получила прелестнейшую квартиру! О чем также говорит Рукавичников.) И вот осенью прошлого года неизвестные выбросили Владимира Ильича из электрички. Удар по голове сзади в тамбуре — очнулся на насыпи в полосе отчуждения. А уже в этом году поздним вечером к Рукавичникову подошел молодой атлет, теперь таких много.

— Эй, Рукавичников, подь-ка сюда, правду поищем.— И опять удар сзади, но слабеющим зрением посчитал он бьющие ноги: шестеро. Он скоро очнулся, уже в кольце толпы, он ухитрился встать, встал, пошел в переулки, раздвигая людей. Ему кричали: стой, парень, мы «скорую» вызвали, они же тебя убили.

Но он спешно уковылял, не заявив никуда ни в первый раз, ни во второй. Ведь заяви — и найдут у тебя сотрясение мозга, а то и ушиб мозга. И поставят на учет, и спровоцируют потом что-нибудь, и — в Дворянское этого буйного кляузника! Бессрочно, без права переписки! В камеру, скажем, к тому парню по фамилии Новиков, что здоров абсолютно, но не любит компартию. А поскольку в словесные аргументы этот парень облечь свою нелюбовь не может, то берет этот парень квач и кропит непотребным елеем бюст первого попавшегося под руку вождя (вам ведь ясно, кто у нас везде и всюду попадается первый?). Понятно, нехорошо это. И задержать бы этого парня, судить по закону за политхулиганство. Но в этом случае получится неудобно от Запада: политзаключенный! Со сроком! С возможностью жаловаться Пересу де Куэльяру. Так уж лучше этого парня — в бессрочную немоту психушки в Дворянском. О которой гласно сказала одна очень известный в области психиатр, вкупе с другими врачами области требующая немедленной присылки в Дворянское комиссии Минздрава РСФСР:

— Человек за миллионы лет эволюционировал от обезьяны до коммуниста, ибо ведь коммунист по многим слагаемым является наиболее совершенной и развитой формой человека. Среди пациентов Дворянского нет коммунистов, но — так или иначе — там проделываются беспримерные опыты по мгновенной резволюции человека от беспартийного к обезьяне: за год помещенный сюда человек полностью утрачивает дар человеческой речи, переходя на мычание и визг. Тогда как минимум двести из шестисот содержащихся тут людей находятся в этих стенах незаконно.

Вот к этому-то Дворянскому и примеряют Кухарева улыбчивые инспекторы ГАИ. И ведь чем черт не шутит. Ведь появился недавно документ, облегчающий такую задачу. Вот — чтобы увести от наказания врачей Константинову и Смирную, обрядивших здорового человека в серьезно больного, прокуратура запросила «незаинтересованных» психиатров Саратовской области: ведь законно, что ваши некоторые коллеги из Волгограда поставили на учет Кухарева, ведь верно, что выдавали на него справки?

И не подкачал, не подвел Саратов. Опять-таки в глаза не видя Кухарева, «по документам» десятилетней давности дал заключение: правы, правы наши коллеги Смирная и Константинова!

От этого страшно, граждане. И вовсе бы страшно, кабы не Лосев, Крупатин, Андреев, Водольский. Такое железное каре построилось вокруг электрика Кухарева. Больше в обиду его не дадут. Прощаясь, я сказал этим четверым, что горжусь ими как соотечественниками. И пошел на вокзал.

Едва я приехал домой, мне позвонил Волгоград. В тот вечер, когда я уехал, депутату облсовета Крупатину в дверь позвонили. Открыл младший сын. За дверью стоял моложавый атлет.

— Позови, мальчик, папу,— сказал атлет.— Адвокат Крупатин? Нет,— отклонил атлет предложение депутата и адвоката войти в квартиру,— у меня секундное дело.

Да, дело у атлета было вправду секундное. Больше ведь и не нужно, чтобы разбить кастетом лицо человека и обрушить его с сотрясением мозга. И сейчас адвокат Крупатин в больнице. Он связывает покушение только с одним — со своей работой в комиссии по правам граждан, с теми выводами комиссии, что были сделаны для защиты электрика Кухарева.

Я связываю покушение также только и только с этим.

А сейчас то в ногах, то в изголовье у замечательного человека сидит следователь. И, ввиду возбуждения уголовного дела по поводу покушения,— нет, не на депутата облсовета, а всего только на адвоката! — участливо и прицельно спрашивает:

— М-мм, а скажите, вот это м-мм... нападение... Может быть, вы, как адвокат, обещали кому-нибудь м-мм... добиться существенного снижения в суде срока для какого-нибудь подсудимого, но это не осуществилось, и тогда раздосадованные родственники или преступные кореша осужденного...

Дорогие следователи, милицейские от «а» до «я» и прокурорские от «альфы» до «омеги»! Я уже почти старый человек, от этого несколько противный, но все еще памятливый. С практикой дореволюционной адвокатуры в стране я знаком по своему прадедушке, крупному одесскому адвокату. Присоветский период адвокатуры наблюдал я сам с комментариями самого Наума Альского. Я призываю в свидетели тени прадедушки и Наума, также недавно почившего. Я призываю в свидетели все возрасты злодеев Советского Союза, мокрушников, форточников, щипачей, зверей, сук — и говорю: в преступном мире адвокат всегда считался чем-то вроде священной коровы в Индии. И отпетые злодеи России посейчас считают персону адвоката неприкосновенной, вроде неприкосновенных у нас на родине ласточки, аиста и дрозда. Может, конечно, возникнуть гастролер, залетка — ограбить, обворовать адвоката (ведь на лбу у него не написано!).

Но зона всегда знает больше, чем суд и следствие. И худо будет в зоне тому, кто поднял руку на адвоката. Если, конечно, этот человек будет схвачен, если он — из преступного мира, если цели его не припахивали политикой. После этого — уголовник ли бил адвоката, несмышленыш-залетка, если он деловито спросил у дверей: «Адвокат Крупатин?»

Да, конечно, перестройкой рождено новое отношение к адвокату. А возможно, все куда проще, и атлет у дверей депутата Крупатина был всего-то винтиком, нет, скорее, бойком в известной машине. И, может быть, тем же самым лицом, что месяц назад сказало рабочему человеку Владимиру Ильичу Рукавичникову:

— Эй, Рукавичников, отойдем-ка в сторонку!

г. Волгоград.

Михаил КРЫЛОВ

ШКОЛА

Да, в этой школе всех нас обучали,
Учитель на учителя кивал...
Но говорил один — яйцо вначале,
О курице другой нам толковал.

Один кричал. Глаза метали пламя.
На белое указывал перстом
И утверждал, что черное пред нами.
Другой твердил обратное потом.

Один другого уличал в обмане
И требовал такого же от нас.
Другой спокойно, с кукишем в кармане
Цитаты выдавал за божий глас.

Один был строг, немногословен, мрачен,
За запятую лишнюю бранил.
Другой пришел и все переиначил,
Пришел и даже точки отменил.

То грубо, то изысканно и тонко,
Всё разъясняли смутно и общо
Нам, стриженным под общую гребенку,
Ни в чем не разобравшимся еще.

Но и тогда уроков этих цену,
Лишь повинуясь детскому уму,
Мы поняли. И ждали перемену.
И школу не любили потому.



ОГОРОД

И нет здесь ни красавца, ни урода,
Любой из них по-своему хорош!
Взгляни на населенье огорода —
Глядишь, себе подобного найдешь...

Вот, дружны, основательны и крепки,
Сидят, свое достоинство храня,
В себе весьма уверенные репки
И смирно ждут намеченного дня.

Презревши легкомыслие моркови,
Солидный, полный важности арбуз
Лежит, налившись сладкой сочной кровью,
С достоинством неся тяжелый груз.

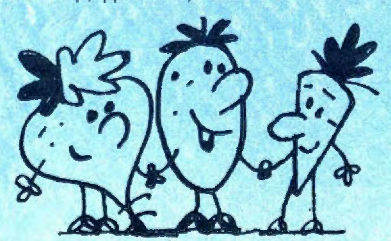
Нарушив установленный порядок,
Решительно ползут во все концы
Достигнувшие сопредельных грядок
Зеленые кривые огурцы.

Вот кабачок, лениво спину грея,
По-пляжному бесстыдной наготой
Всех удивляет. Вместе с сельдереем
Укроп — демократичный и простой.

Здесь каждый проявляется, как может.
Так было. Есть. Да так и будет впредь.
Они соседей склокой не тревожат,
За счет другого не спешат созреть.

Кочан капустный радостью лучится —
Ядреный предок ароматных щей.
Ах, люди, люди... Вот где поучиться
Нам нужно пониманию вещей!

Где славословья суета пустая?
Под вечным небом все они равны.
А солнца и тепла на всех хватает,
Без ссор, доносов, сплетен и войны.





РАЗГАДКА ФОКУСА

с кирпичом, который силач разбивает одним ударом ребра ладони, оказывается, довольно проста. Надо взять кирпич, сделанный на Черемушкинском кирпичном заводе, и тогда разбить его ничего не стоит. В этом убедился инвалид Отечественной войны Е. Хлебников, который привез две тысячи штук кирпича на свой садовый участок. Едва его разгрузили, как все две тысячи развалились даже без малейшего прикосновения.



Хлопушки с сюрпризом

обнаружила в своей покупке жительница Кохтла-Ярве О. Синякова. Из десяти хлопушек семь вообще не сработали, а три взорвались в руках, едва были извлечены из пакета. Производитель этой оригинальной продукции — завод «Волна» ПО «Факел». Указаны также артикул 299-ДО и прейскурант 085-02-ДО-1984/27.

А может, это сделано намеренно, чтобы перехитрить диверсантов и террористов, которым придет в голову воспользоваться этими боеприпасами? В таком случае редакция шлет горячую благодарность указанным умельцам.

Билет в незнаемое

Чего только не давали всем нам в так называемую «нагрузку»... Даже тошно перечислять. Хотя это все-таки были материальные предметы. Но вот чтобы нечто ирреальное, мистическое... Такое, видать, свершилось впервые. В поселке Селятино Наро-Фоминского района Московской области. А. Макаров сообщил, что теперь плюс к Белинскому и Гоголю насильно навязывают билет в... Никуда! Да-да, с печатью Общества любителей книги, контрольным талоном и номером. Цена — 70 копеек. Но вот когда, куда и зачем, совершенно неизвестно. Колдовство да и только!



МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ

Кто говорит, что у нас мало бумаги? Это люди слабонервные и неосведомленные. Пусть же скорей съездят они в г. Первомайск Николаевской области. Там многие уличные ареалы буквально завалены фирменными бланками Первомайского молочноконсервного комбината. Они изготовлены из прекрасной бумаги и совершенно чистые. Надо лишь аккуратно ножничками отрезать реквизиты, и — пожалуйста! — хочешь, письма пиши, а хочешь, в макулатуру сдавай. Такой совет (вместе с бланками) прислал (естественно, тоже на бланке) наш читатель А. С. Пыхтеев.



СССР
МИНИСТЕРСТВО МЯСНОЙ И МОЛОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
Всесоюзное объединение предприятий молочноконсервной промышленности и продуктов детского питания
„СОЮЗКОНСЕРВМОЛОКО"
ПЕРВОМАЙСКИЙ
ордена Трудового Красного Знамени
МОЛОЧНОКОНСЕРВНЫЙ КОМБИНАТ

Исх. №______ „___"________197 г.

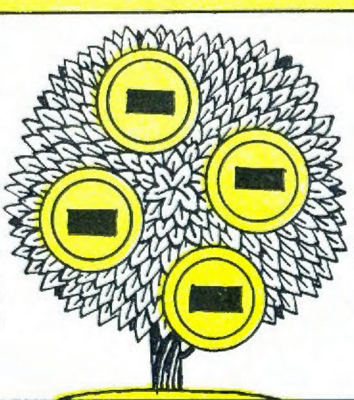
НОВОЕ В ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

обнаружено Благовещенской типографией Амурупризидата. В купленном нашей читательницей **Н. Якименко** из того же Благовещенска перекидном календаре на 1991 год, сотворенном благовещенскими первооткрывателями, на обороте листка за 13 января указана дата — 16 мая, после 14 января следует 19 мая, после 20 мая — 17 января и т. д. Словом, сегодня ты живешь в условиях студеной зимы, а перевернешь листок — и уже радостное преддверие лета.

Поэт на этот счет однажды заметил: и жить торопится, и чувствовать спешат. А в спешке чего только не изобретешь!..

ЭКОЛОГИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Весь мир, задыхаясь в автомобильных выхлопах, борется за чистый воздух. Наконец-то решение этой вонючей проблемы найдено — Кармаскалинский райисполком Башкирии запретил местным садоводам подъезжать к своим участкам на автомобилях. «Теперь таскай урожай на своих плечах»,— жалуется наш читатель Рашит Фазлыев, не понимая своего счастья. Физические упражнения плюс чистый воздух — это просто роскошь в наше время.



Литературное наследие замечательного канадского юмориста Стивена Ликока (1869—1944) включает 33 сборника юмористических рассказов, принесших автору всемирную известность. Опубликованные до сих пор переводы произведений Ликока на русский язык составляют примерно седьмую часть того, что вышло из-под его пера. Поэтому с удовольствием продолжаем знакомить наших читателей с неизвестными у нас произведениями С. Ликока.

Стивен Ликок

В поисках спички

Вы думаете, что одолжить спичку посреди улицы плевое дело? Но каждый, кто когда-либо пробовал это сделать, скажет вам, что это вовсе не так.

Однажды, стоя на углу двух улиц, я держал в руке сигару и хотел ее раскурить. Спичек у меня не было. Я ждал несколько минут и вот наконец вижу: идет мимо приличного вида мужчина, самый заурядный, словом, как раз то, что надо. Ну, я ему и говорю:

— Простите, сэр, не будете ли вы так любезны одолжить мне спичку?

— Спичку? — переспросил он.— Конечно. Сейчас.

Он расстегнул пальто и засунул руку в жилетный карман.

— Помнится, одна у меня там завалялась,— сказал он.— Могу поклясться, она в нижнем кармане. Хотя подождите-ка, она может быть и в верхнем. Секундочку, я только положу свои пакеты на тротуар.

— О, не беспокойтесь! — воскликнул я.— Все это не так уж важно.

— Да что вы, какое там беспокойство! Не пройдет и минуты, как я ее достану. Я знаю, она где-то здесь.— Говоря это, он лихорадочно производил раскопки в своих карманах.— М-да, боюсь, это не тот жилет, в котором я обычно...

Вижу, человек всерьез разволновался.

— Да выбросьте вы все это из головы,— запротестовал я.— Если это не тот жилет, в котором вы обычно... что ж, я как-нибудь обойдусь.

— Подождите,— сказал человек,— не теряйте надежды. Я, кажется, нащупал где-то тут одну из этих проклятых спичек. Похоже, она в одном кармане с моими часами. Если бы этот чертов портной только знал, чего стоит забраться в карманы одежды, которую он шьет!

У него был теперь очень возбужденный вид. Он бросил наземь трость и, стиснув зубы, снова нырнул в глубины своих карманов.

— Это все мой сынишка, оболтус проклятый! — просипел он.— Только и знает, что перекладывает вещи из одного кармана в другой. Нашел себе забаву! Черт меня возьми, если я не взгрею его как следует, когда вернусь домой!.. Хм, бьюсь об заклад, она в кармане брюк. Подержите-ка полу моего пальто, пока я...

— Нет, сэр, пожалуйста, не надо,— снова запротестовал я.— Не волнуйтесь вы так, все это совершеннейшие пустяки. Убежден, что вам вовсе не надо снимать пальто, и, ради Бога, не выбрасывайте на снег письма и все остальное из ваших карманов. Умоляю, не наступайте ногами на полы пальто, не выдирайте с корнем карманы и не топчите ваши свертки. Я не могу слышать, как вы проклинаете своего сынишку, точно из-за него вы в чем-то передо мной провинились. Не надо, прошу вас, не надо так бешено рвать на себе одежду.

Внезапно человек издал радостное мычание и извлек руку из-под полы своего пальто.

— Нашел! — вскричал он.— Вот она!

С этими словами он поднял руку, чтобы рассмотреть свою находку при свете фонаря.

Это была зубочистка.

Не в силах преодолеть минутного порыва, я толкнул его под колеса проезжавшего троллейбуса и убежал.

Как делать пересадку

(Из «Советов путешественнику»)

Представьте себе, что, когда вы выезжали из Нью-Йорка, вам сказали, что в Канзас-Сити надо будет сделать пересадку. Вечером перед прибытием в этот город остановите в вагонном проходе проводника (проще всего выставить ногу и дать ему подножку), после чего вежливо спросите его:

— Надо ли мне делать пересадку в Канзас-Сити?

— Надо,— ответит он.

Отлично. Не верьте ему.

Перед ужином подойдите в вагоне-ресторане к любому работающему там негру и задайте вопрос: не кажется ли ему, что вам надо сделать пересадку в Канзас-Сити? Однако не ограничивайтесь этим. Совершая вечерний моцион по вагонам, время от времени спрашивайте пассажиров как будто невзначай:

— Подскажите, пожалуйста, делать ли мне пересадку в Канзас-Сити?

С тем же вопросом обратитесь к проводнику еще несколько раз. Такая интенсивность общения неизбежно приведет к установлению между вами тесных дружеских отношений. Перед сном дождитесь, пока он пройдет мимо, и спросите его из-под одеяла:

— Между прочим, вы, кажется, говорили, что мне надо сделать пересадку в Канзас-Сити, не так ли?

Если он не остановится, поймайте его за шею крючкообразной рукояткой вашей трости и мягко, но настойчиво затащите в купе.

Утром, когда поезд остановится и проводник объявит: «Канзас-Сити! Все, кому делать пересадку, на выход!» — подойдите к нему снова и спросите:

— Это случайно не Канзас-Сити?

Не успокаивайтесь даже после того, как он вам ответит. Не поленитесь пройти в другой конец вагона и спросить у тормозного кондуктора:

— Скажите, сэр, не Канзас-Сити ли это?

Но даже если он ответит утвердительно, опять-таки не успокаивайтесь. Помните, что проводник и тормозной кондуктор могли сговориться обмануть вас. Поэтому оглядитесь вокруг, нет ли где-нибудь надписи с названием станции. Обнаружив такую надпись, сойдите на перрон и задайте свой вопрос первому встречному. Если тот ответит: «Да что у вас, глаза повылазили? Вон, смотрите, метровыми буквами написано!» — тогда все в порядке. Услышав подобные речи, можете не сомневаться: вы прибыли в штат Канзас, и город этот — Канзас-Сити.

Перевел с английского А. КУДРЯВИЦКИЙ.

— И запомни,— поучает бабушка внучку,— у каждой женщины в жизни должна быть лишь одна большая любовь.

— А кто был твоей единственной любовью?

— Моряки!..

●

— Как вам не стыдно! Здоровый, молодой человек, а просите деньги!

— Я бы, конечно, не просил, но один раз я взял без спросу, и судья дал мне за это три года.

●

— Дорогая, пришей мне пуговицу к пиджаку!

— Какую именно? Здесь не хватает двух...

●

Среди подруг:

— Ты чего это подалась в стюардессы?

— В самолете можно встретить столько мужчин!

— А разве нельзя их встретить в других местах?

— Можно, но там они не пристегнуты ремнями...

●

— Господин капитан, позвольте мне взять на гауптвахту гитару.

— Вы что, с ума сошли, рядовой Нелл?

— А вот когда однажды Абрахама Линкольна посадили под арест, то ему разрешили играть на скрипке...

— Меня абсолютно не интересует, что там делается в других казармах!

●

Гангстер хвастается в баре своему приятелю:

— Да я пролил больше крови, чем этот бармен пива!..

●

Приезжему требуется жилье.

— Пожалуйста,— говорят ему в квартирном бюро,— хозяйка сдает комнату всего за 500 марок.

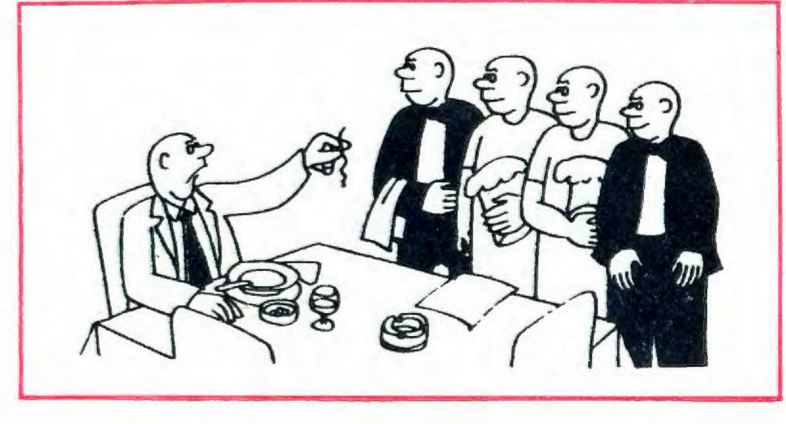
— 500 марок?! А если я не буду пользоваться хозяйкой?..

●

Посетитель долго изучает меню, а затем обращается к официанту:

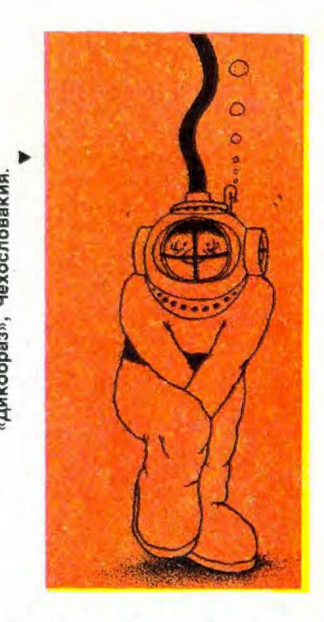
— Извините, не могли бы вы сами посоветовать мне, что лучше выбрать на ужин?

— Не могу! Лично я питаюсь в ресторане напротив...

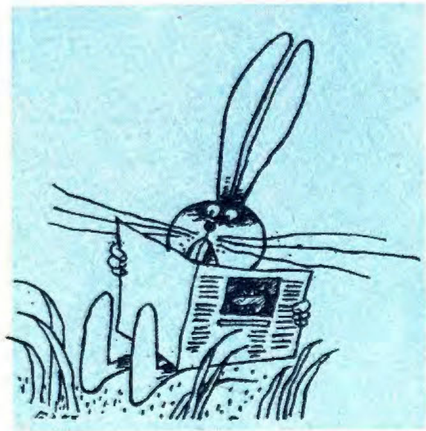


«Лудаш мати», Венгрия.



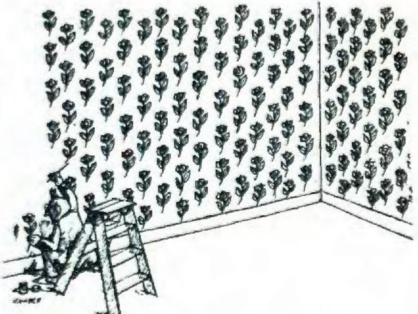


◄ «Дикобраз», Чехословакия. ►



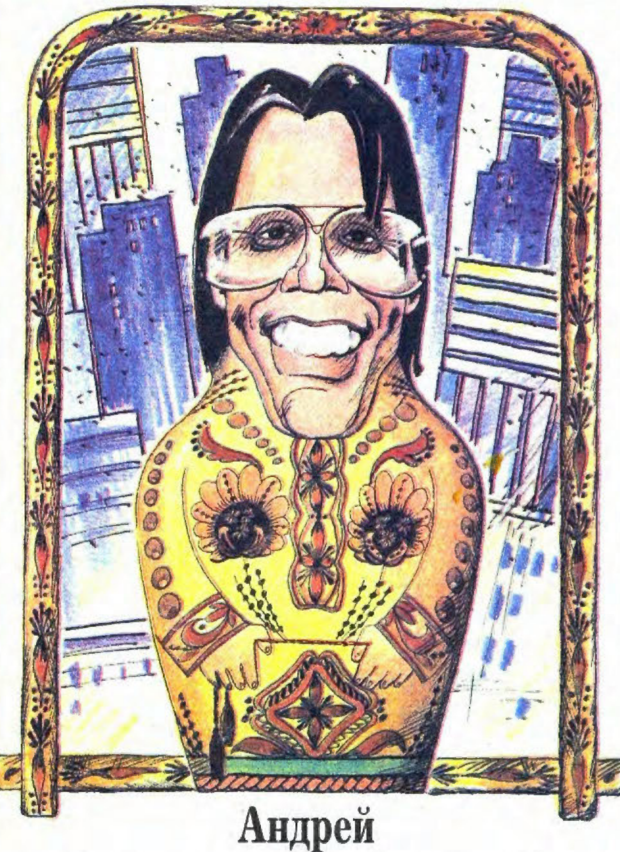
— Значит, причиной коррупции среди волков было отсутствие гражданской смелости у зайцев?

«Стыршел», Болгария.



«Небельшпальтер», Швейцария.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..



Андрей Михалков-Кончаловский

К разным жанрам он причастен
И прославился давно
Как отечественный мастер
Зарубежного кино.

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

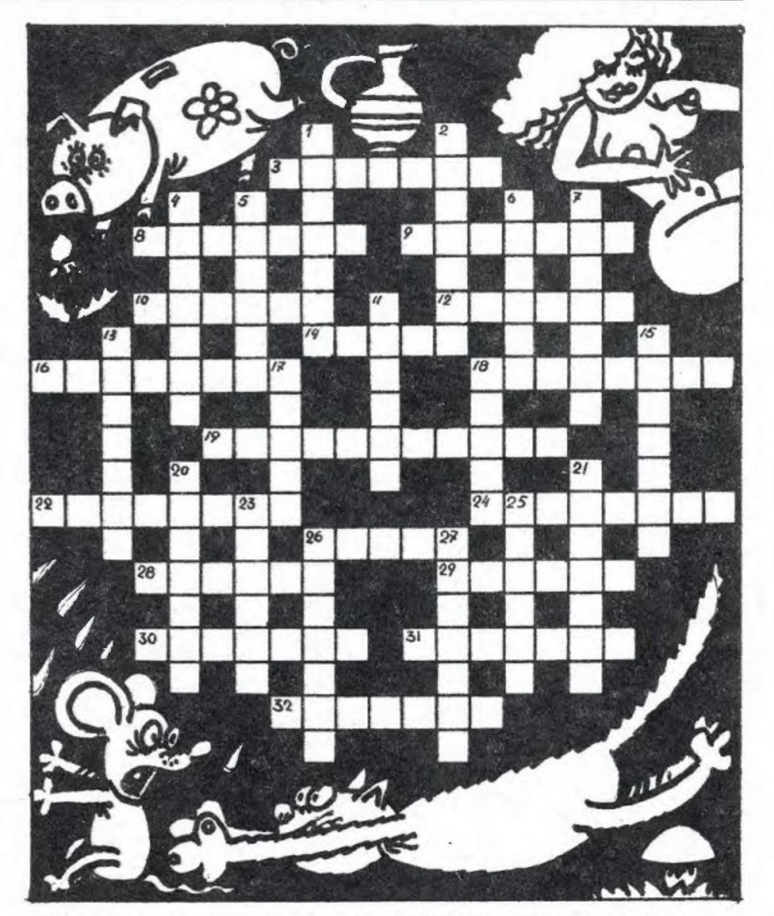
Шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Параллель с сильной жарой. 8. Обезьяний жанр. 9. Кот на работе. 10. Спец по органам. 12. Развесистая ягода. 14. Звездоцвет (ботан.). 16. Ротохлоп (синоним.). 18. Проходимец (технич.). 19. Красная шапочка под деревом. 22. Работница кабаре (оперетт.). 24. Звездная лупа. 26. Комендант женского общежития (восточн.). 28. Вигвам по-простоквашенски. 29. Шквальное одобрение. 30. Девичья память у старушек. 31. Благоухающее многоколючье. 32. Место массовых заболеваний (спорт.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Верняк (матем.). 2. Не пытка. 4. Мужчина (эллочк.-людоедск.).5. 3/4 портьеры (этимолог.). 6. Эпитафия по тексту (фр.). 7. Телега-амфибия (этимолог.). 11. Ящик Пандоры (природн.). 13. Морская рукопашная. 15. Очень тайная полиция. 17. Облицовка (косметич.). 18. Дедушка «ура». 20. Домашняя сбербанка. 21. Коллективная попрошайка. 23. Корабль хамского отца. 25. Юмористический шабаш (детск.). 26. Форма для содержания. 27. Круговая порука (танц.).

Составили О. БОГОМОЛОВА, И. ДУДКО.



ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Веленье. 8. Конка. 10. Ева. 11. Прейскурант. 12. Срок. 13. Нокдаун. 16. Променад. 18. Фата. 20. Шаланда. 22. Кормило. 24. Шутка. 25. Турбаза. 26. Нокаут. 27. Индекс. 28. Истина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лесенка. 2. Пенсия. 3. Безрыбье. 4. Шкалик. 5. Кальян. 7. «Летун». 9. Нирвана. 11. Перо. 14. Радио. 15. Пластилин. 16. Плакат. 17. Мракобес. 19. Аллигатор. 21. Моргана. 22. Казус. 23. Магнит.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

УЛЫБНИСЬ, КИНЕМАТОГРАФ!

Признаюсь, с некоторой настороженностью взял я в руки выпущенную «Киноцентром» книжечку с подозрительным названием «Всегда в прокате». «Сегодня уже никому не нужно объяснять, что такое кино,— пишет во вступлении составитель этого сборника юмористических рассказов и пародий Ал. Хорт.— Оно знакомо всем от мала до велика наравне с такими простыми понятиями, как, скажем, солнце, вода, стол, джинсы...»

На это можно сказать: смотря какой стол и смотря какие джинсы. Ходить сегодня на отечественные фильмы — это примерно то же, что носить джинсы отечественного производства. Не будем лицемерить: все мы предпочитаем закрытые или полузакрытые просмотры киноимпорта тому родному ассортименту, что «всегда в прокате». «Очень большие трудности у киношников...» — повторим вслед за М. Жванецким. Но самого нашего искреннего сочувствия к этим трудностям бывает порой недостаточно, чтобы досмотреть до конца иную киноленту, где беспощадно разоблачаются отрицательные герои и отважно разоблачаются героини положительные.

Однако непосредственное чтение вышеуказанного сборника не вызывает тех трудностей, без которых мы сегодня уже не мыслим жизнь. Составитель пошел на тонкую хитрость, поместив вначале под рубрикой «Киножурнал» миниатюры типа: «Ученые установили, что первый в мире фильм братьев Люмьер назывался не «Прибытие поезда», а «Опоздание поезда на 2 часа 15 минут». Снисходительно воспринимая такие шуточки одну за другой, не замечаешь, что началась уже первая серия («Юмористические рассказы»), где представлены не очень пространные произведения Г. Горина, А. Инина, В. Жилинскайте, А. Курляндского, Л. Новоженова, В. Славкина и других. Заметим, что некоторые из авторов являются сценаристами и, таким образом, несут персональную ответственность за теперешнее состояние нашего кинематографа.

О чем эти рассказы? Да все о том же: что жизнь — это не кино, а кино — это не жизнь... Но, накладываясь друг на друга, две темы создают своего рода стереоскопический эффект. Начинаешь думать о том, что все наши кинотрудности и жизнетрудности имеют глубокую социальную основу, а некоторые из них даже восходят к коренным противоречиям человеческого бытия... И пока так вот думаешь, начинается уже вторая серия («Пародии»). Н. Богословский, Б. Гуреев, С. Лившин, А. Хорт и другие остроумцы оказывают читателю-зрителю полезную, в общем, услугу. Прочитав за две-три минуты пародию на воображаемый фильм, мы тем самым освобождаемся от необходимости смотреть этот фильм полностью. Авторы данного раздела пародируют не только прошлое нашего кино, но и его настоящее, а в отдельных случаях и будущее. Так, М. Казовский разработал сценарий десятисерийной экранизации чеховского рассказа «Злоумышленник». А что? Кто-нибудь возьмет да и осуществит!

Художник С. Тюнин, развивая высказанную во вступлении мысль составителя, изобразил на обложке двух муз, устремленных к единой цели: одна, в сандалиях,— небезызвестная Талия, другая, в туфлях и с цифрой 10 на груди,— десятая муза, то есть киноискусство. Честно говоря, о таком союзе в наше неулыбчивое время приходится только мечтать. Мечтать не о новой комедии — куда там, перебьется зритель, поглядев по телевизору в сто первый раз «Иронию судьбы» или «Бриллиантовую руку». О другом речь — о том творческом остроумии, без которого не делается никакое кино, даже беспощадное, драматическое, трагическое. Улыбке, которая всегда сопутствует истинному творческому вдохновению.

Вл. НОВИКОВ.

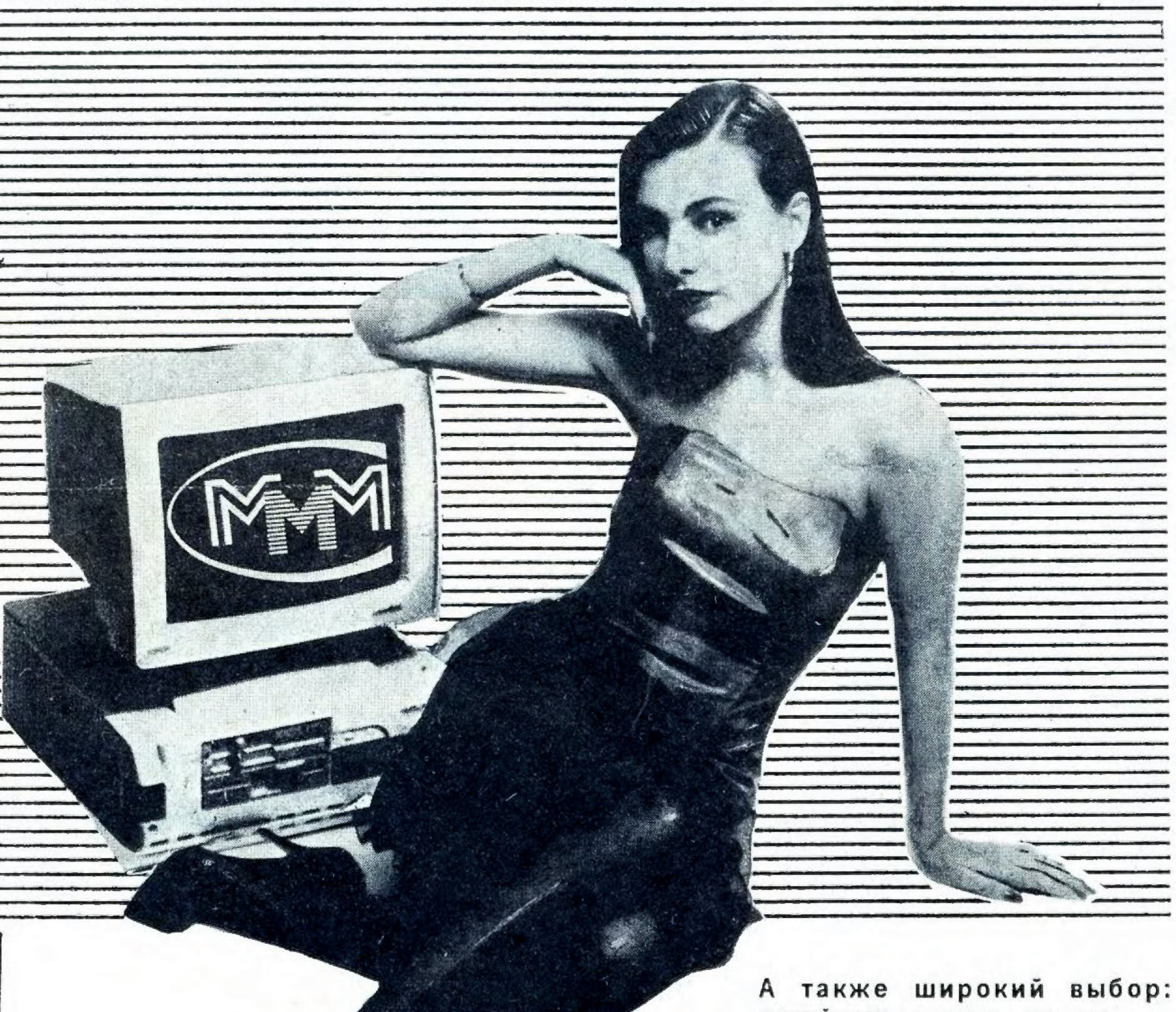
75 коп. Индекс 70448.

дайте нам шанс сэкономить ваши время и деньги



Объединение МММ предлагает :
компьютеры, совместимые с IBM PC/AT XT с любой периферией и оргтехнику.

Наши цены ниже, чем месяц назад.



КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT – 286 – 44.000 руб.
IBM PC/AT – 386 – 44.000 руб.
(Винчестер 120 МБ,
034 4МБ, 25 МГц) – 107.000 руб.

ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 – 29.000 – 31.000 руб.
Формат А1 – 107.000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASER JET II P»– 46.000 руб.
«LASER JET III» – 80.000 руб.

МНОЖИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
Формат А4
«SARP Z–50»– 28.000 руб.
«CANON FC–2»– 30.500 руб.
Формат А3
«RICON M 100» – 60.000 руб.
«CANON 1215»– 80.000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE –M5» И «F1»– по 21.500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC»– 7.000 – 7.750 руб.

ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» – 3.200 руб.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок,
электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Оптовым покупателям предоставляется скидка.

Без предоплаты

Адрес: 109518 Москва, ул.Газгольдерная, 10.
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр».
Телефоны в Москве:171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90

Филиалы МММ:
327004 г.Николаев, МЕЛЬНИЧНАЯ ул., 23, тел.37-56-49
440003 г.Пенза, 2-ой проезд МОЛОКОВА, тел.33-22-65
г. Южно-Сахалинск, Коммунистический проспект, д.1, тел.3-25-41
г.Новосибирск, ул.Фабричная, д.13, тел.23-75-29
г.Красноярск, ул.Урицкого, д.61, тел.27-84-09

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел.450-67-88 412-95-06